

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ХРОНИКА

АСГАТ
САФАРОВ

министр внутренних дел
Татарстана
в 1998 — 2012 гг.

ЗАКАТ «казанского феномена»

История
ликвидации организованных
преступных формирований
Татарстана

Слово о казанских пацанах. Реальные истории

Асгат Сафаров

**Закат «казанского феномена».
История ликвидации
организованных преступных
формирований Татарстана**

«ЭКСМО»

УДК 343
ББК 67.408

Сафаров А. А.

Закат «казанского феномена». История ликвидации организованных преступных формирований Татарстана / А. А. Сафаров — «Эксмо», — (Слово о казанских пацанах. Реальные истории)

ISBN 978-5-04-202303-3

«Моим друзьям и соратникам в борьбе с организованной преступностью посвящается» Асгат Сафаров В 1988 году «Литературная газета» и журнал «Огонёк» сообщили всей стране, что в СССР существует организованная преступность. Они же ввели новое понятие – «казанский феномен». После этого Казань на долгие годы стала мрачным символом молодежной преступности и бандитских разборок. В книге рассказывается о зарождении, расцвете и закате «казанского феномена». История ликвидации криминальных группировок показана в хронологическом порядке (с 1998 по 2011 год). При этом автор – экс-руководитель МВД Татарстана - раскрывает такие подробности, которые ранее были известны лишь правоохранительным органам. Это уникальное свидетельство от непосредственного участника драматических событий, который в течение многих лет лично руководил борьбой с преступниками. Автор книги, Асгат Ахметович Сафаров, в 1984 году начал свою государственную службу следователем Отдела внутренних дел Советского райисполкома г. Казани. В 1998–2012 годах возглавлял министерство внутренних дел Татарстана. Сегодня он руководит Администрацией Главы (Раиса) Республики Татарстан. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-04-202303-3

© Сафаров А. А.

© Эксмо

Содержание

От автора	7
Как появился «казанский феномен»	10
Метастазы	15
О «львах» и ловцах	19
Расстрел в узле спецсвязи	21
Банда Чекиста и банда Любимова	23
«Когда в товарищах согласья нет...»	25
Часть I. Захват	28
1998-й. Начало	29
Социальная катастрофа	30
Киллер-неудачник	32
Сыщики	33
Пока «Гром» не грянет...	35
Убийство двух девочек	36
Криминальная зараза	37
Кадровая политика	39
Шоковая терапия	42
1999-й. Наводим порядок в учётах	44
Верховный суд РТ приговорил полковника милиции к 4 годам лишения свободы	45
Борьба с наркотиками	46
Чем выше стоимость жизни, тем ниже её ценность	47
Выстрелы в «Мельнице»	48
Эхо «казанского феномена»	49
«Хади Такташ» – первая ласточка	49
Подрыв кукморского газопровода	56
2000-й. Год следствия	59
Дело о «лохотроне» – разминка перед боем	59
Убийство сорокалетней давности	62
Рейс на дно	63
Зараза распространяется	63
Правильные участковые	64
Банда «Званка»	65
2001-й. Год борьбы с организованной преступностью	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Асгат Сафаров
Закат «казанского феномена».
История ликвидации организованных
преступных формирований Татарстана

© Сафаров А. А., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Моим друзьям и соратникам в борьбе с организованной
преступностью посвящается*

От автора

Отменив смертную казнь, государство официально признало, что жизнь убийцы стоит дороже, чем жизнь его жертвы. Если за убийство двоих или троих человек преступник получает 25 лет заключения, это означает, что он расплачивается за каждого примерно восемью годами своей свободы. То есть пребывание на земле злодея и бандита настолько важно и значимо, что оно заведомо в разы ценнее для общества, чем жизнь любого законопослушного гражданина.

Пусть бросают в меня камни «гуманисты» и демократы, но моё глубокое внутреннее убеждение: забрав чужую жизнь, преступник должен расплачиваться своей. И это ещё очень даже гуманно, ведь наши предки вообще наказание определяли в равных пропорциях. Средневековая жестокость имела логичное объяснение – если нельзя казнить душегуба несколько раз, то можно отнять жизнь максимально мучительным способом – в назидание всем остальным.

Я не верю в раскаяние убийц. Если убийство произошло по неосторожности, из-за халатности или в запале разгоревшейся ссоры, тогда – конечно, тогда виновные, как правило, раскаиваются искренне, просят для себя справедливого возмездия, а случается, что и сами себя карают – самоубийства среди нечаянных убийц составляют от 15 до 20 процентов. Но тот, кто хладнокровно заранее спланировал и организовал злодейство, раскаяться не способен. Притвориться – да, но раскаяться – никогда. Во всяком случае, за почти тридцать лет службы мне не удалось убедиться в обратном, хотя и приходилось общаться с приговорёнными к высшей мере (ещё до введения моратория), а позже – к пожизненному заключению.

Тем, кто рьяно отстаивает права преступников, как правило, самим не приходилось выступать в роли потерпевших. А я не могу забыть слова своей сотрудницы, лишившейся матери в шестилетнем возрасте. Убийца – военнослужащий – несколько дней выслеживал жертву и прекрасно знал, что у неё двое маленьких детей – четырёх и шести лет. Но это не остановило его, когда он насиловал и душил женщину. Преступника быстро нашли, дело расследовала военная прокуратура, и через восемь месяцев его приговорили к высшей мере наказания.

Дочери той погибшей женщины сейчас больше сорока лет, но она на всю жизнь запомнила день, когда её бабушке принесли телеграмму о приведении приговора в исполнение. «Вы не поверите, – сказала она, – но я, маленький ребёнок, почувствовала облегчение. Мне до сих пор легче от того, что он не ходит по этой земле, не дышит этим воздухом, что я никогда не встречусь ни с ним, ни с его детьми».

И я очень хорошо понимаю, что она имеет в виду. Мне не раз приходилось сталкиваться со страхом потерпевших. Имея мужество выступить в суде и добиться наказания для преступника, потом они долгие годы живут в мучительном ожидании, что их обидчики освободятся.

Идея создания этой книги родилась не случайно. После того как в Татарстане были ликвидированы десятки преступных группировок, на тему чего вышли в свет сотни прекрасных журналистских материалов, рано или поздно кто-нибудь обязательно решил бы обобщить уже имеющуюся фактуру и написать что-то вроде «Казань бандитская». И сто против одного: в этом случае героями опять стали бы бандиты – отвергнутые и непонятые обществом, побеждённые, но не сломленные. Лично у меня от каждой попытки романтизации образа «благородного» разбойника сводит скулы, и, думаю, похожая реакция возникает у большинства моих коллег.

Поэтому вполне логично, что однажды утром, во время доклада моего первого заместителя Рената Тимерзянова*¹ о состоянии оперативной обстановки в республике, у нас зашёл разговор, что неплохо было бы написать книгу. Книгу об истории противостояния закона и криминала в Татарстане, о том, каким образом нужно бороться с организованной преступно-

¹ Помеченные звездочкой имена и названия см. в «Комментариях» в конце книги.

стью. К тому времени процесс разгрома группировок в республике шёл уже больше десяти лет, информации накопилось очень много. С одной стороны, хотелось, чтобы наработанный нами опыт не пропал зря, а с другой – чтобы героями книги являлись НЕ бандиты, а те, кто в итоге оказался сильнее их. Свидетели обвинения и потерпевшие, не испугавшиеся угроз, оперативники и следователи, сумевшие оборвать кровавые криминальные биографии. Самые простые люди, не амбициозные, не светские, не знаменитые – обычные.

Но я не собирался писать и мемуары в чистом виде. Как говорила великая Раневская: «Писать о себе хорошо – неловко, а плохо – не хочется». Перечислять все достижения МВД за последние тринадцать лет достаточно утомительно и для автора, и для читателя, а выносить на всеобщее обозрение жареные факты из политического и ведомственного закулисья я не стану никогда. Тема этой книги – организованная преступность в Татарстане, её зарождение, становление и разгром.

Сейчас, когда счёт ликвидированным бандформированиям в республике переваливает за сотню, социологам уже хорошо известны причины и условия, в которых зарождаются и вызревают преступные сообщества. И чем больше мы узнаём, тем очевидней становится жуткая истина: всё это можно было ликвидировать ещё в зачаточном состоянии. Если бы правоохранительные органы всегда и везде выступали единым фронтом, если бы большую часть будущих бандитов остановили вовремя, если бы жертвы не молчали, боясь мести...

Если бы да кабы. Жизнь не знает сослагательного наклонения, и переписать заново кровавую хронику последних десятилетий уже не получится. Но можно избежать новых трагедий. А для этого необходимо знать, КАК противостоять злу. Знать и помнить, потому что оно может коснуться каждого. И речь не только об опасности стать жертвой, ведь близкий человек, выбравший путь по другую сторону закона, тоже практически потерян. В республике не счесть кладбищ, на которых хоронили тех, кто погиб в бандитских разборках. Дорогие памятники, трогательные надписи...

Бывает и другой финал. Он тоже не из счастливых, ведь годы за решёткой – вряд ли то, о чём мечталось криминальным авторитетам.

Криминальные войны – войны настоящие. С убитыми и ранеными, с лазутчиками, перебежчиками, предателями и двойными агентами. Только здесь не существует безопасного тыла. Те, кто считает, что могут закрыть глаза и уши и сделать вид, что вопрос преступности их не касается, глубоко заблуждаются.

Ваш ребёнок идёт в школу, а там одноклассник предлагает ему покурить «прикольную травку» или сходить на собрание новой секты. А может, он любит подраться, ему нравится чувство превосходства и он обожает приключения? Вы уверены, что ему хватит силы воли отказаться от приглашения на «интересное и прибыльное дело»? Он может оказаться и просто случайной жертвой: в этой книге много историй о детях, погибших от шальных пуль во время бандитских перестрелок или убитых как ненужные свидетели.

Очень часто в кабинете следователя родные преступников испытывают настоящий шок: ведь они-то знали своего сына, дочь, брата или мужа другими: добрыми, любящими и заботливыми. «Этого просто не может быть!» – говорят они.

К сожалению, может. Эта книга – о самых страшных злодеях нового времени, и не всегда в этой роли выступают члены преступных формирований. Иногда настоящими чудовищами оказываются самые безобидные и заурядные с виду люди.

Обязанность любого нормального государства – защитить своих граждан. А в случае совершения преступления – поймать обидчика и добиться для него справедливого возмездия. Наказание неотвратимо – вот один из краеугольных принципов правосудия, и только тогда общество можно назвать нормальным, когда он выполняется в полной мере.

Я практически не касаюсь в книге экономических и должностных преступлений, рассказывая о них только в той мере, в какой они связаны с деятельностью того или иного преступ-

ного сообщества. Преступления против государственной власти и государственной службы – это отдельная тема. Конечно, казнокрадство и мздоимство разъедает страну, так или иначе касаясь каждого – в виде низкого уровня жизни, маленьких зарплат и нищенских пенсий. Но я хочу поговорить о другом. О том, что представляет непосредственную угрозу для жизни обычного, простого человека. И о том, как с этим можно и нужно бороться.

Как и почему образуются преступные сообщества, что им способствует, а что мешает? Каким образом можно противостоять этому процессу и почему Татарстан сегодня считается одним из лидеров в борьбе с оргпреступностью? Я думаю, те, кто прочитает эту книгу, смогут найти ответы хотя бы на часть вопросов.

Асгат Сафаров

Как появился «казанский феномен»

Организованную преступность власть в стране вырастила сама, своими руками. В этом смысле практически хрестоматийным примером может служить процесс по банде «Тяп-ляп». И пусть о нём уже написано множество материалов и диссертаций, сняты десятки фильмов, пропустить его в истории борьбы с организованной преступностью невозможно никак, потому что он – показательный.

* * *

...Абдулбари Закиров помнил ещё Первую мировую войну, защищал свою страну в Великую Отечественную. Свои 74 года он считал прожитыми не зря. Небольшой, но уютный дом, жена, дети, внуки. Пенсию государство платит хорошую, по телевизору постоянно говорят, что жизнь с каждым годом становится лучше. Что ещё нужно для счастья пожилому человеку?

Августовским вечером 78-го года Абдулбари вместе с женой возвращался домой из магазина. Вряд ли он, счастливо избежавший пуль в военное время, мог предположить, что они настигнут его почти на пороге дома, а убийцей окажется не враг, а сосед-подросток. Тот, за чью возможность появления на свет он воевал... Это были последние минуты жизни Закирова: чета пенсионеров попала под иквальный огонь, который открыли по случайным прохожим члены банды «Тяп-ляп».

С бандитизмом в стране покончено – такова была официальная позиция власти в 70-е годы. Статья «Бандитизм» в Уголовном кодексе оставалась и, более того, была «расстрельной», но уже практически не применялась. И хотя руководство МВД СССР регулярно вызывало на заслушивания высшие милицейские чины из регионов, где фиксировались вспышки бандитизма, дальше внутриведомственных разборок дело не шло. 77-я статья УК оставалась «мёртвой», а бандитов сажали за мелочовку, если сажали вообще. Плоды этой самоубийственной страусиной политики страна пожнёт позже, а в то время по всей стране начали завязываться зловещие «цветочки».

В начале 70-х в дежурную часть МВД ТАССР стали поступать сообщения о массовых молодёжных драках, вспыхивающих в разных местах Казани. Эти драки отличались от обычных подростковых стычек стремительностью, организованностью и неоправданной жестокостью: били с таким расчётом, чтобы убить.

Сейчас уже общеизвестно, что молодёжные преступные группировки образуются в первую очередь на городских окраинах, в промышленных районах. Конечно, банды Нью-Йорка всегда будут отличаться от банд Новосибирска, хотя бы в силу разного менталитета подростков, но начало они берут в одной среде – в промышленных гетто. Этот процесс не миновал и Казань. Молодёжные банды стихийно возникали по всем городским окраинам. Неудивительно, что молодёжи свойственно «кучковаться». Но если в центральных городских районах, где есть все блага цивилизации в виде клубов, спортивных секций и музыкальных студий, этот процесс можно контролировать, то в зоне «невидимости» им будут управлять другие.

Стихийно возникая в промышленных районах Казани, группировки начинали войну друг с другом за зоны влияния. Очень быстро среди всех выделилась группировка «Тяп-ляп» (название пошло от одного из крупнейших производственных объединений республики – «Теплоконтроль»*, в районе которого и жили участники ОПГ).

Жилой сектор в этой части города и сегодня выглядит не особенно приветливо, а сорок лет назад он вполне мог послужить декорациями к фильму-триллеру. Несколько хрущёвок, построенных для заводчан, побережье озера Средний Кабан, частные дома посёлка Калиновка и десятки квадратных километров промышленной зоны, когда территории заводов переходят одна в другую. Улицы освещаются только светом из окон, дороги разбиты... Есть мнение, что внутренний мир человека находится в прямой зависимости от его внешнего окружения, поэтому в школах Японии обязательными предметами являются «любование» и «созерцание». Если это правда, то подростки, изо дня в день видящие мрачные индустриальные пейзажи, просто обречены нести в себе такой же мрак.

«Тяп-ляп» была не просто уличной бандой. В районе образовалась настоящая организованная преступная группировка, построенная по принципу классического боевого подполья, когда рядовые участники знают только своё близкое окружение, но не «руководство». Руководили же всем три главаря.

Сергей Антипов по кличке Антип к концу 70-х годов уже имел судимость за хулиганство и грабёж и был самым старшим среди всех участников группировки. Идеологию «зон» он жёстко насаждал и среди молодых, начиная с внешнего вида (стрижки «под ёж», зимой – телогрейки и мутоновые шапки-ушанки, завязанные под горло), заканчивая «зоновским» лексиконном и правилами поведения.

Следующий, Сергей Скрябин по кличке Скряба, резко отличался от своих соратников. Он один из немногих имел высшее образование (окончил педагогический институт) и был настоящим мозговым центром банды. Именно Скрябин разрабатывал все планы «операций» – вымогательства, разбои, подпольное производство, фарцовка... От него зависела финансовая «состоятельность» группировки. Интересная деталь: в своё время Скрябин достаточно успешно работал пионервожатым и умел завоёвывать доверие подростков.

Третий лидер, Завдат Хантимиров по кличке Джавда, относился к разряду тех, которых позже будут называть «отморозками»: невероятно жестокий, малочувствительный к боли, практически лишённый страха.

Обязанности рядовых участников в группировке были чётко распределены: одни обчищали квартиры, другие угоняли моторные лодки, мотоциклы и машины для дальнейшей перепродажи, третьи грабили прохожих.

Бандиты имели своих «прикормленных» госчиновников, офицеров в военкомате, врачей, не говоря уже о работниках торговли и общепита. Сейчас это называли бы коррумпированными связями, а тогда подобного определения ещё просто не существовало. Тяпляповцы стали первопроходцами и в области рэкета. «Доили» продавцов пивных и винных точек, спекулянтов, приёмщиков стеклотары, мясников. Со строптивцами не церемонились: на одного из продавцов, не отдавшего деньги в срок, было организовано настоящее покушение – его расстреляли из обрезка (жертва спаслась буквально чудом: кожаный пиджак и надетое поверх кожаное пальто погасили удары пуль).

Всего группировка насчитывала более сотни молодых парней в возрасте от 17 до 20 лет, главным образом учеников или выпускников двух местных школ – 114-й и 48-й. У её членов имелось холодное и огнестрельное оружие, в том числе зарубежного производства.

До сих пор не совсем ясно, почему лидеры группировки не удовлетворились тем, что имели, – деньги в их карманы текли рекой, и они могли позволить себе любую роскошь в масштабах советского времени. Но факт остаётся фактом: главари «Тяп-ляпа» целенаправленно хотели стать полными хозяевами Казани. Антипов всерьёз собирался в будущем получить мандат депутата и неприкосновенность, а то, что он наберёт достаточное число голосов – весь «Тяп-ляп», – сомнений не вызывало ни у кого. И это ещё полбеда – тяпляповцы ставили перед собой цель держать весь город в страхе. А потому (как они считали) был необходим настоящий террор.

Однажды, забрав автобусы из местного АТП, тяпляповцы подъехали ко Дворцу культуры имени Урицкого, где шла дискотека, ворвались в зал и стали избивать всех подряд. Подъехавшие наряды милиции с трудом прекратили вакханалию и отбили автобусы, которые пришлось сопровождать до самого гаража автотранспортного предприятия.

О бандитизме следовало вести речь уже тогда, когда члены ОПГ устроили разборку с другими группировками на площади Куйбышева в 76-м году. Стреляли друг в друга из машин в самом людном месте города. Но факт этот «похоронили» с молчаливого поощрения власти – не хотелось получать «разносы» из Москвы.

А бандиты, видя, что им всё сходит с рук, планировали новые акции устрашения. Летом того же 1976 года Хантимиров решил устроить так называемый «пробег» по Казани, во время которого тяпляповцы должны были избивать всех, кто попадётся им на пути. Поставленная задача: бить максимально жестоко, нанося как можно более серьёзные увечья.

Однако в МВД тоже не зря ели свой хлеб. Информация о готовящемся преступлении пришла вовремя, и милиционеры задержали около 50 членов ОПГ во главе с самим Хантимировым-Джавдой. Все они пошли под суд, который приговорил Хантимирова... всего лишь к одному году исправительных работ. Более того, он вскоре вышел на свободу условно-досрочно по причине примерного поведения.

На Западе существует «теория разбитых окон». Суть её в следующем: если окно разбито и не застеклено, то окружающие решат, что всем на это наплевать и никто ни за что не отвечает. Чувство безнаказанности быстро распространится по всей округе, и вскоре будут разбиты все оставшиеся окна, дав сигнал, призывающий уже к более серьёзным преступлениям.

Отечественные же социологи утверждают, что лишь небольшой процент населения выбирает для себя законопослушный либо преступный путь, руководствуясь исключительно собственным выбором. Разумеется, есть люди, которые не станут убивать и грабить даже будучи уверенными, что их не разоблачат, так же как есть и те, кого не удержит от преступления даже перспектива наказания. Но таких – меньшинство. Все остальные соблюдают закон только из страха понести ответственность.

Страх тяпляповцы потеряли окончательно, и в 1977 году они начали убивать. Руководил этим процессом вышедший на свободу Хантимиров, под чьим руководством действовало целое звено малолетних бандитов. Первыми жертвами стали те, кто осмеливался заявлять в милицию о проделках участников банды. Но причины для убийства были не обязательны: жертвой мог стать любой случайный прохожий. Однажды шестеро бандитов шли к Джавдату домой, но по пути им попался молодой паренёк. Тяпляповцы спросили покурить, парень дал им сигарету и тут же был забит до смерти – среди бела дня. И всё это до поры до времени сходило им с рук.

Закономерен вопрос: а что же делала милиция? Милиция, как могла, пыталась противостоять набирающему силы монстру. Но, как уже говорилось, официально признать существование банды власть отказывалась, суды выносили смехотворно мягкие приговоры, так что львиная доля работы оперативников вылетала в трубу. Костяк группировки состоял из трёх десятков человек, и каждого надо было уличить в конкретных преступных действиях, что сделать очень трудно. Невозможно установить, кто в кого конкретно бросил камень, кто выстрелил, кто ударил прутом. Хотя кое-что всё же удавалось – взять хотя бы тот самый сорванный «пробег» в 1976 году.

Кстати, этот срыв всерьёз обеспокоил верхушку группировки, и вскоре милицейского информатора вычислили и убили – зверски, просто растоптали насмерть. Виновных не нашли.

После этого за лидерами ОПГ оперативники установили круглосуточное наблюдение. Благодаря ему во время разбойного нападения с поличным удалось задержать одного из «бригадиров» группировки – некоего Тазетдинова.

Антипов тогда лично попытался подкупить свидетелей преступления и был задержан сам. Понимая, что задержание лишь повод для его дальнейшей разработки, в тот же день он сбежал из-под стражи.

В любом случае процесс уже набрал критическую массу, и взрыв был неизбежен. Гром грянул в конце августа 1978 года.

В тот день к пешему наряду милиции, патрулирующему территорию в районе «Теплоконтроля», подъехали мотоциклист с девушкой, которые сообщили, что в районе Татарского кладбища их обстреляли из обрезов. По словам потерпевших, стрелявших было человек десять-пятнадцать. Ещё через 20 минут поступило сообщение от водителя ПАЗа: преступники обстреляли его автобус с пассажирами, и снова только чудом всё обошлось благополучно. Стало ясно, что ситуация чрезвычайная.

Из материалов уголовного дела: «31 августа 1978 года в 20.30 группа хулиганствующей молодёжи в количестве 40–50 человек, вооружённых огнестрельным оружием (обрезами) и металлическими прутьями, в масках двинулась от речного вокзала по улицам Новотатарской слободы. Банда рассредоточилась по обеим сторонам улиц с целью забивать и стрелять в граждан. В результате беспорядочной стрельбы в направлении стоящих на обочине людей были ранены 10 человек, в том числе двое сотрудников милиции, пытавшихся остановить толпу, один человек (Абдулбари Закиров) убит».

Кроме того, бандиты тяжело ранили одного из своих – через месяц он скончался в больнице. Несколько человек задержали сразу, по горячим следам. Тогда же обошли дома, опросили напуганных свидетелей. Утром нашли неразорвавшуюся гранату и на месте её обезвредили.

Даже сейчас, спустя столько лет, поражает безграничная наглость и самоуверенность преступников. Они всерьёз надеялись, что стрельба по людям сойдёт им с рук!

На этот раз власти просто не могли дальше игнорировать существование банды. На следующий день – 1 сентября – началось следствие. Была создана оперативно-следственная группа, в которую со стороны МВД вошли Виктор Ерин*, Савелий Тесис*, Казимир Новиков*, Владислав Баранов, а со стороны прокуратуры – Виктор Красов*, Фарит Загидуллин*...

Всего более тридцати человек.

Члены группировки были хорошо проинструктированы организаторами: запирались, рассчитывали, что через трое суток за невозможностью предъявить обвинение их отпустят. Но они не учли, что после возбуждения дела по статье «Бандитизм» для предъявления обвинения достаточно только одного участия в банде.

Когда срок задержания превысил десять суток, некоторые заговорили. Выяснилось, что вечером 31 августа их в темноте погрузили в фургоны, велели натянуть на лица маски так, что каждый не знал, кто рядом. Рейд планировался для устрашения «Ново-Татарской» группировки, контролировавшей речной порт и прилегающие к нему улицы. Вылазку возглавлял Джавдат Хантимиров, причём сам он не убивал, был организатором. Позже своей вины он так и не признал, запирался до самого конца.

Арестованные лидеры группировки и за решёткой продолжали верить в то, что остаются «хозяевами жизни»: сидя в изоляторе, они планировали напасть на конвой и сбежать. Оставшиеся на свободе замыслили физическое уничтожение следователей и инспекторов уголовного розыска. Следователя прокуратуры Виктора Красова пришлось охранять всё время, пока шло расследование.

Из камеры изолятора Скрябин передал на волю записку: «Особо опасаться нужно прокурора и полковника Новикова». Начальник Управления уголовного розыска МВД Татарстана Казимир Новиков и правда был для бандитов опаснейшим противником. Он первым попробовал применить системный подход: с его подачи оперативники стали использовать меморандумы – по одному и тому же вопросу на расчерченный лист бумаги писали показания разных людей, а потом сравнивали их. Все несовпадения были очевидны.

Уголовное дело вначале возбудили по 206-й статье – по факту хулиганства, но потом набрались мужества и квалифицировали преступление иначе – как бандитизм. Собственно, это заслуга министра внутренних дел ТАССР Николая Демидова*. Следственной группе, работавшей без выходных полгода по расследованию данного дела, стоило немалых усилий отстоять своё заключение, чтобы на скамью подсудимых села именно банда, а не отдельно взятые личности. Виктор Красов рассказывал, что трижды в неделю он держал отчёт о ходе следствия в одном из кабинетов обкома партии и чуть не лишился своего поста, поскольку его версия не устраивала партию. «У нас нет организованного преступного мира», – говорил ему «большой» человек из обкома.

На ход следствия оказывалось постоянное давление, ведь в деле оказались замешаны и дети высокопоставленных чиновников. Кроме того, банда располагала огромными суммами денег, и деньги решали многое... В самом начале расследования пошла утечка информации – след вывел на сотрудника, подкупленного бандитами. Его выгнали из милиции с позором.

Следствием было доказано около семидесяти преступлений банды. Дело включало девять томов, отдельный том составляло обвинительное заключение. Возникли и несколько «дочерних» дел: массовые преступления, совершённые в разное время.

Суд над бандой состоялся в 1980 году. Во избежание чрезвычайных происшествий заседания шли в помещении следственного изолятора на улице Красина. Двадцать семь членов группировки судили за бандитизм, двадцать восемь были привлечены к ответственности за недоносительство и другие преступления. Прокурор запросил высшую меру пятерым, но суд приговорил к расстрелу четверых – Хантиминова, Тазетдинова, Масленцева, Каюмова. Последним двоим смертную казнь позже заменили длительными сроками заключения.

Все прошения о помиловании были отклонены, и приговоры в отношении Хантиминова и Тазетдинова в 1982 году привели в исполнение. Остальные получили от 10 до 15 лет в колониях усиленного режима. Всего по статье «Бандитизм» осудили 28 человек, которым инкриминировалось 36 грабежей, 4 убийства и 15 покушений.

Истинный главарь банды «Тяп-ляп» – Сергей Антипов – был арестован, но судили его за другие преступления: изнасилования, хулиганство. На 31 августа у него имелось «железное» алиби.

Все лидеры «Тяп-ляпа» закончили плохо. По воспоминаниям очевидцев, когда Хантиминова стали переодевать в полосатую форму заключённого-смертника, с ним случилась настоящая истерика. Сергея Скрябина застрелили в 1994 году, нет больше и Сергея Антипова. Он взял фамилию второй жены...

P. S. Конец любой группировки страшен. Для бандитов не бывает счастливых хеппи-эндов – последующие тридцать с лишним лет только подтверждали это правило. Но люди никогда не учатся на чужих ошибках...

Метастазы

По идее дело «Тяп-ляпа» должно было войти в историю как первый успех по ликвидации организованного преступного формирования, стать практическим пособием для изучения всеми курсантами МВД и будущими юристами. Возьми правоохранительные органы этот опыт на вооружение, может, и не было бы «лихих 90-х».

Увы, всё пошло по стандартному российскому сценарию: награждение непричастных и наказание невиновных. Правда, награждение на этот раз пропустили, зато наказания раздали щедро. Начальник Приволжского РОВД, на чьей территории произошёл «инцидент», был снят с должности, остальные получили серьёзные взыскания.

В октябре 1978 года (когда все тяпляповцы уже были под арестом) на коллегии МВД СССР министр внутренних дел страны Николай Щёлоков «влепил» строгий выговор начальнику уголовного розыска МВД ТАССР Новикову и начальнику УВД Казани Халиуллину. Не пострадал лишь министр внутренних дел ТАССР Николай Демидов в силу недавнего заступления на должность.

Другими словами, система жёстко дала понять: ТАКИХ резонансных дел быть не должно. Урок усвоили – до следующего процесса по бандитизму в республике прошло почти десятилетие.

А между тем время безвозвратно уходило. И хотя самое крупное злокачественное образование вырезали, метастазы прорастали уже практически повсюду. Бесславный конец главарей «Тяп-ляпа» быстро забылся, зато легенды об их «подвигах» пересказывались с восхищением и завистью. На вооружение по всему городу брались методы тяпляповцев: железная дисциплина, регулярные занятия спортом, сборы денег и культивирование агрессии.

Тема для специалистов-психологов, но я считаю, что в группировки шли и идут два типа подростков. Первый – те, кому физически необходимо выплёскивать свою агрессию, драться, самоутверждаться, но таких, как правило, не очень много. И второй, самый многочисленный, – те, кто чувствует себя неуверенно вне своей группы. Кстати, один из тяпляповцев на допросе в своё время так и сказал: «Жить в группе намного легче». Этот многочисленный тип самый опасный: такие люди, чтобы не потерять доверие своей стаи, способны на всё.

Ещё одна причина, как мне кажется, лежит в проблеме целого поколения. Почему становление организованной преступности проходило по всей стране именно в 80-е годы, ни раньше ни позже?

Те, кто родился в 60-е и 70-е годы – это поколение «с ключом на шее». Сами – в школу, сами – из школы, сами приготовить, сами себя проконтролировать. Символ поколения – мальчик Дядя Фёдор из известного мультика про Простоквашино. Родители этих детей всегда заняты, всегда на работе, им некогда было заниматься воспитанием и видеть, что происходит с ребёнком.

Мне могут возразить – и предыдущие поколения росли точно так же, предоставленными самим себе. Да, но у них была цель – победить голод, победить в великой войне, победить послевоенную разруху. Нужно было просто выживать, здесь не до глупостей. А к концу 70-х глобальные задачи по выживанию кончились. Слабые попытки найти новые цели в виде все-союзных строек провалились: молодёжь 80-х уже прекрасно понимала, что такое комфорт и роскошь, так же как и то, что большинству они недоступны. Отсюда – агрессия и ненависть к зажиточным «барыгам».

Были, конечно, и другие. Ребята, не ставящие себя в зависимость от мнения толпы и не нуждающиеся в унижении слабых, чтобы почувствовать свою силу. Сейчас про таких сказали бы – с чётко выраженной мотивацией. Комсомольские активисты объединялись в боевые комсомольские дружины – БКД и ОКОД, став очень мощным подспорьем в работе милиции.

Именно они дежурили на дискотеках, чтобы не допустить массовых драк. Они же, кстати, в своё время оказали огромную помощь в деле «Тяп-ляпа», когда потребовалось одномоментное задержание членов группировки. «Мотальщики» считали БКД реальной силой и по-своему уважали. Доходило до курьёзов – члены союзных группировок «Брод», «Кремль» и «Динамка» так и называли свой альянс – «Б.К.Д».

Надо сказать, что после дела «Тяп-ляпа» группировщики тоже усвоили определённый урок: есть предел, переступать который нельзя. Разборки при дележе территории теперь устраивали так, чтобы мирные граждане не страдали. Грабежи, разбойные нападения и изнасилования совершались с таким запугиванием потерпевших, что в милицию обращалась едва ли десятая часть. Поэтому наиболее заметными и резонансными оставались молодёжные драки, часто – со смертельным исходом.

Именно в это время, в самый пик массовых молодёжных драк, я пришёл на работу в следственное отделение Советского РУВД, где прослужил с 1984 по 1987 год. Расследовал преступления, совершённые в микрорайоне «Танкодром», в основном как раз подростковые. Через кабинет, который мы делили с коллегами, прошли многие будущие лидеры ОПГ Советского района Казани.

Одним из самых резонансных дел того времени стало побоище в районе «Танкового кольца»*. Группировщики (памятуя о «Тяп-ляпе») обычно не впутывали в свои разборки посторонних людей, выбирая для стычек малолюдные районы и позднее время. Но тут, вразрез всем «понятиям», две группировки устроили драку ранним утром, на глазах массы свидетелей, идущих на работу.

Надо сказать, что в большинстве случаев стычки длились не больше нескольких минут, и почти сразу определялось, на чьей стороне перевес. Победители, подбадривая себя свистом и громкими криками: «Айда-айда-айда!» или «Ломи!», гнали противников, удиравших со всех ног. Промедление было действительно смерти подобно – отставших «месили» всей толпой, стараясь забить до смерти. На этот раз проигравшая сторона попыталась скрыться, заскочив в троллейбус, подошедший к остановке, но не тут-то было: преследователи атаковали машину. Полетели осколки стекла, разбитого камнями и кусками арматур, в результате пострадали не только группировщики, но и ни в чём не повинные пассажиры...

Резонанс был огромный. В моём кабинете развернули оперативный штаб по раскрытию этого дела (такого количества крупных звёзд на погонах в одном месте и сразу мне до той поры видеть не доводилось). Раскрыли, кстати, быстро, и вскоре дело, как находящееся на особом контроле, забрали в следственное управление МВД.

Мы тогда даже не могли предположить, что локальные войны подростков – не проблема, а только её начало, что именно сейчас формируется костяк кровавых ОПГ 90-х годов. Мы просто работали, жили практически в условиях военного времени, часто оставаясь спать прямо в кабинетах. Основная трудность заключалась в том, что большая часть наших подследственных были несовершеннолетними, а это целый букет сложностей. Во-первых, все допросы должны проводиться в присутствии адвоката и родителей (слёзы, истерики – «мой сын ни в чём не виноват»), во-вторых, подростки в этом возрасте любят погеройствовать и крайне редко идут на контакт со следователем. Да и предъявить, как правило, мы им ничего не могли. «Да, – говорят, – был. Но сам не бил, а кто бил, я не видел». Максимум, за что можно было их привлечь, это за хулиганство, да и то его ещё надо было доказать.

Помню, как на одном из заслушиваний (куда вызвали и меня, рядового следователя районного ОВД) заместитель министра Завдат Невметов* разносил в пух и прах личный состав за бездействие. В ответ на чью-то реплику: «Закон не позволяет» Завдат Нуруллович в сердцах швырнул ему через весь стол Уголовный кодекс: «Покажи, в каком именно месте закон тебе не позволяет?!»

Конечно, все прекрасно понимали, что надо что-то срочно предпринимать, но просто не знали, с какой стороны подступиться. Каждый изобретал свой велосипед. Мы вот у себя выработали следующую тактику: раз уж хулиганство требует доказательства конкретных действий, выписывали постановления об обысках у всех подозреваемых. А эти «романтики» хранили дома кто кастет, кто заточку, кто «самострел». Ну и работали с родителями, разумеется (в группировках были и дети достаточно уважаемых людей, боящихся за свою репутацию).

К сожалению, методика наша хоть и приносила реальные результаты, но процесс остановить уже не могла. Более того, те, кто побывал в наших руках, тоже мотали себе на ус информацию, изучая принципы и слабые места работы милиции.

Антикультура криминального мира прочно воцарилась среди молодёжи. В обиход вошли слова «мотаться» и «мотальщики» – именно так называлось членство в группировках. Вычислить «мотальщика» в толпе было проще простого: все они носили спортивные костюмы (или олимпийки) летом и телогрейки зимой. Обязательный атрибут холодного времени года – спортивные трикотажные шапочки. Каждая группировка носила шапочки с определённым рисунком и расцветкой – чтобы узнавать своих и чужих издали. С точки зрения группировщиков, молодёжь делилась на «пацанов» – тех, кто «мотается», и «чушпанов» – тех, кто не живёт по принципам группировок. «Чушпаны» не считались достойными уважения, поэтому их даже всерьёз не били, а просто при случае отбирали все деньги и ценности – «доили».

Большей частью подростки, состоящие в группировках, не понимали настоящих целей своих лидеров, им просто нравилось быть сильными и внушать страх другим. Они с удовольствием эпатировали окружающих, гордясь своим нарочито люмпенским видом. «Мотальщики» частенько ездили в Москву просто потолкаться на Казанском вокзале, пройтись по центральным площадям, пугая всех встречных злобными взглядами исподлобья (знай наших!). Понятно, что группы хмурых парней, одетых в телогрейки и войлочную обувь типа «прощай, молодость», не могли не привлекать к себе внимание, в том числе и журналистов.

«Литературная газета», самый популярный печатный орган страны, в 1988 году опубликовала статью «Экстремальная модель» о молодёжной преступности. Именно в ней впервые прозвучал термин «казанский феномен».

Вообще, молодёжные группировки в то время зрели по всей стране, но Казань даже на общем фоне оказалась уникальной. Во-первых, к середине 80-х годов здесь практически не осталось двора или улицы, которые не причисляли бы себя к какой-нибудь «конторе».

Во-вторых, иерархия ценностей казанского криминалитета отличалась от «общепринятых». Несмотря на господство блатной романтики и зоновских «понятий», здесь, например, не пользовались таким авторитетом, как в других регионах, «воры в законе». «Пацаны» считали своим долгом отслужить в армии, не гнушались стоять у станка. Существовал свой, пусть уродливый, но кодекс чести – не трогать «врага», если он идёт с девушкой, всегда и везде отстаивать интересы своей группировки.

В-третьих, сам принцип организации. Пресловутые «пятёрки», использованные ещё «тяпляповскими» лидерами, – это ведь не что иное, как ячейки. Таким построением пользовалось большевистское подполье в царской России, через несколько десятилетий – подполье уже партизанское, антифашистское.

Ячеистые структуры прочнее, чем цельные и монолитные. Советские идеологи хорошо это понимали, когда внедряли октябрятские звёздочки, пионерские звенья, комсомольские дружины и партийные ячейки, надеясь укрепить внутренними связями всё общество. Одного они не учли: такая система хороша исключительно для подполья, а не для легального существования. Зато это хорошо усвоили отцы-создатели группировок, недаром многие из них имели педагогическое образование.

Эти особенности и выделил в материале автор статьи Юрий Щекочихин*. Он также абсолютно правильно описал этапы вербовки молодёжи в группировки, их структуры, иерархию и

потенциальную опасность. «Так формируются устойчивые преступные группировки, – писал он, – цели которым задают верхние слои, состоящие в большинстве своём из уголовных элементов».

За 1986–1987 годы в Казани было совершено 181 нарушение общественного порядка, в том числе 51 групповая драка, в которой участвовали 900 человек. В итоге 6 подростков погибли, 73 были госпитализированы с серьёзными травмами, 193 получили телесные повреждения.

С осени 1987 года обстановка резко ухудшилась. В драках стали использовать ножи, тяжёлые металлические шары, обрезки арматуры, кастеты, самодельные взрывные устройства.

Щекочихин в 1988 году опубликовал в «Литературке» целую серию статей, посвящённых зреющей криминальной опасности. Самые известные из них – «Лев готовится к прыжку» и «Лев прыгнул!». В последнем материале его собеседник, сотрудник ВНИИ МВД СССР Александр Гуров*, тогда ещё подполковник милиции, дал чёткое определение организованному преступному сообществу.

«Мафию, – говорил Гуров, – характеризуют три признака. Во-первых, это – преступное сообщество, которое имеет чёткую структуру и иерархические связи: есть главарь (или группа главарей), держатель кассы, связники, боевики, разведка, контрразведка. Во-вторых, это организация, созданная для систематического преступного бизнеса. И третий, основной, признак – преступное сообщество становится мафией лишь в условиях коррупции: оно должно быть связано с представителями государственного аппарата, которые состоят на службе у преступников. Если это прокурор, то он спасёт от наказания, если работник милиции, то передаст важную информацию, если это ответственный работник, то сделает вовремя нужный звонок».

Таким образом, задолго до изменений в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах появилось официальное определение оргпреступности.

О «львах» и ловцах

Власть медленно, со скрипом, но осознавала, что организованная преступность таит в себе огромную угрозу, и в 1985 году в МВД Узбекской ССР было создано первое специализированное подразделение по борьбе с организованной преступностью. Пусть громкое в то время «Узбекское дело» имело чисто политическую подоплёку, главное – лёд тронулся. Вскоре на одном из закрытых заседаний коллегий МВД СССР было принято решение о создании во всех союзных республиках, автономиях и областях спецподразделений по борьбе с оргпреступностью.

Такую спецгруппу – «шестой отдел» – сформировали в Управлении уголовного розыска МВД ТАССР в ноябре 1988 года из самых опытных сотрудников уголовного розыска, БХСС и следствия. Возглавил группу Савелий Тесис.

Сколько на самом деле было организованных преступных групп в республике к концу 80-х – началу 90-х годов, доподлинно сейчас никто не сможет сказать. Для себя оперативники определили список из наиболее дерзких и крупных – порядка пятидесяти. В Казани к таким относились «Жилка», «Борисково», «Перваки», «Чайники», «Грязь», «Пентагон», «Финны». В основном группировки формировались по месту жительства, были не равнозначны по численности и структуре, во главе многих стояли криминальные авторитеты.

В 1987 году, за год до создания «шестых отделов», в СССР фактически началась легализация частного бизнеса. Вступил в силу Закон об индивидуально-трудовой деятельности, а Совмином СССР было принято сразу два постановления – «О совместных предприятиях» и «О деятельности кооперативов в сфере сервиса, общепита и производства».

В это время лишь 9 процентов товаров народного потребления, выпускаемых в стране, соответствовали качеству мирового уровня, и очень скоро кооперативы успешно стали заполнять нишу как оказания услуг, так и производства.

Если во Франции в эпоху расцвета буржуазии появились нуворіши – «новые богатые», то у нас возникли нуворáши – «новые русские». Только название это, быстро вошедшее в обиход, относилось совсем не к тем, кто деньги зарабатывал честно.

Большие, по советским меркам, доходы привлекли пристальное внимание криминала. Уже через год слово «рэкёт» вошло в обиход, а главными сообщениями информационных программ стали вымогательства с пытками утюгами и паяльниками.

Одно из первых уголовных дел в истории казанского рэкета возбудили в отношении членов группировки «Дом обуви». Жертву – председателя кооператива «Стройдетали» – нашли в начале 1988 года. Поначалу определили «таксу» – две тысячи рублей в месяц. Сумма по тем временам, когда зарплата ещё исчислялась в рублях, была колоссальная, но строительный бизнес приносил немалый доход, и Сергей согласился.

Однако ежемесячная дань была только началом. Уже в январе 1989 года от кооперативщика потребовали 4 тысячи рублей сверх обычного. Иначе его убьют, жену изнасилуют, сына искалечат.

В начале марта история повторилась: лидерам ОПГ Гарееву и Агафонову срочно потребовались ещё 3 тысячи рублей. В мае «крыша» забрала у предпринимателя машину. В конце июня Сергея опять выловили и потребовали ещё 10 тысяч наличными. В случае отказа... в общем, он в курсе.

Уже потом потерпевший признался, что если бы мзда была разовой или хотя бы посильной, он и не подумал бы обращаться в милицию. Но дошло до того, что Сергей в определённый момент просто не смог выплатить своим рабочим зарплату: «Я понял, что это будет продолжаться бесконечно, и рано или поздно они меня убьют!..»

Чтобы взять с поличным, решили сделать передачу денег под контролем сотрудников. Всё происходящее снималось скрытой камерой. После, когда Гареев и Агафонов пытались оспорить факт встречи, видеозапись пригодилась – доказательства были налицо. Уликами стали и отпечатки пальцев, оставленные вымогателями на конверте с деньгами, и зафиксированные номера купюр.

Гареев рассчитывал выйти сухим из воды – его отец занимал высокий пост. Естественно, шёл серьёзный накат, и каждому оперативнику обещали либо позорное увольнение из милиции, либо вообще физическое устранение. Аналогичные «доводы убеждения» предоставлялись и потерпевшему. Пришлось брать под круглосуточную охрану его самого и его родных.

Это дело по рэкету можно считать показательным: те, кто верит, что с «крышей» можно договориться по-хорошему, глубоко заблуждаются. НИКОГДА группировщики не оставят жертву в покое и никогда не дадут возможности заработать. Бандиты не видят смысла беречь своих дойных коровок – зачем? На место высосанного досуха коммерсанта обязательно придёт другой, новый.

...Ильдара Гареева суд приговорил к восьми годам лишения свободы в колонии общего режима, Владимира Агафонова – к шести.

Это было первое дело по вымогательству, когда обвинительный приговор суд вынес БЕЗ признательных показаний подсудимых, опираясь только на доказательную базу.

* * *

К началу 90-х годов произошло резкое расслоение населения по уровню доходов. Началось стихийное, неконтролируемое и в большинстве случаев незаконное накопление капитала с перекачкой больших государственных средств в частный сектор. Новый этап развития начался и у организованной преступности.

При этом возникла реальная угроза экономической безопасности страны из-за возрастающих объёмов контрабанды, отсутствия государственного контроля над экспортом сырьевых ресурсов, хаоса в ценообразовании и валютном регулировании, незащищённости кредитной системы.

«Шестые отделы» в том виде, в котором они существовали, просто не могли справляться с растущей волной организованной преступности – численность этих подразделений во многих регионах не превышала 10 человек, и всё ещё не была чётко определена их компетенция.

В марте-апреле 1991 года на территории Российской Федерации в структурах МВД, УВД были созданы подразделения, именуемые оперативно-розыскными бюро (ОРБ). Численность подразделений возросла более чем в три раза.

Расстрел в узле спецсвязи

Когда речь идёт о ликвидации какой-либо группировки, всегда делается особый акцент на их арсенал – пистолеты, автоматы, гранаты... По законам жанра любое оружие должно стрелять. И стрелять в людей, это понятно. Но мало у кого возникает вопрос: а каким именно образом это оружие попадает бандитам в руки?

В 1991 году в МВД поступила информация, что на перроне железнодорожного вокзала в Казани открыто торгуют оружием. Три дня оперативники работали, просчитывая все варианты, на четвёртый вышли на прапорщика одной из воинских частей, который и продавал гранаты на территории вокзала. От него цепочка потянулась к высокопоставленным военачальникам, вплоть до центрального аппарата Минобороны. Четыре полковника, организовавшие преступную группу, сбывали вверенное им имущество: гранатомёты, автоматы, гранаты.

Это только одно из уголовных дел по факту незаконного оборота оружия. В те годы они возбуждались по республике сотнями. Раз есть спрос, будут и предложения, ведь во многих головах уже чётко сформулировалась схема: оружие = деньги.

Ночью 26 апреля 1992 года на телефон «02» в Казани поступило сообщение, что горит здание республиканского узла спецсвязи. Примчавшихся пожарных встретила жуткая картина: залитое кровью, охваченное огнём помещение, а в каждой комнате, коридорах – тела расстрелянных людей. Во дворе здания стоял ГАЗ-69, в нём следователи обнаружили баул, где лежали 66 пистолетов Макарова и около тысячи патронов. Это было оружие, похищенное из РУССа.

Внутри полыхавшего здания чудом оставшаяся в живых женщина-экспедитор вывела на полу своей кровью: «Убийца Андрей, маршрут 3». Если бы не эта кровавая запись, вряд ли смогли бы оперативники через несколько дней взять преступника.

А в это время к месту происшествия стекались родственники убитых. Всего погибло 9 человек, трое из них – женщины, у всех были семьи, дети... Весь город обсуждал страшную новость. Для расследования преступления была создана следственная группа, куда вошли наиболее опытные сотрудники уголовного розыска республики, МВД, КГБ и прокуратуры.

Все сходились к одной версии, подтверждённой показаниями Фарзиевой, убийца – кто-то из своих. Подняли картотеку, просмотрели данные всех работников, особенно тщательно – третьего отряда. Проверили алиби каждого в ту ночь и вышли на некоего Андрея Шпагонова, недавно уволенного из РУССа. Сразу же побывали у всех дома, и только Шпагонова не оказалось на месте. В больнице очнулась Ляля Фарзиева и утвердительно кивнула при его фамилии. Женщина не могла говорить из-за раздробленной нижней челюсти – пуля прошла через подбородок.

С момента преступления прошло немногим более шести часов. По всем отделениям милиции республики, по всем постам разослали фотографии подозреваемого и предупреждение о том, что он вооружён и может оказать сопротивление. Днём 27 апреля задержали двоюродного брата Андрея, Дмитрия Ковалёва, и попали, что называется, «в цвет». На первом же допросе Дмитрий сразу указал на Шпагонова – оказывается, тот давно задумал хищение оружия со своей бывшей работы. Сотрудникам уголовного розыска потребовались лишь один день и одна ночь, чтобы выйти на убийцу.

Поиски велись по всей республике. На исходе вторых суток его задержали на железнодорожной станции работники Агрызского РОВД. Оружия при нём не оказалось. На предварительном следствии Шпагонов во всём сознался, рассказал в подробностях о кровавых событиях той ночи. На свою бывшую работу он пришёл вечером, расстрелял из пистолета охранника и всех находившихся в офисе, в том числе четырёх женщин – всего 10 человек. Затем убийца выгреб из сейфа несколько десятков стволов табельного оружия, а перед уходом облил помещение бензином и поджёг. На улице его должен был ждать с машиной сообщник, но в послед-

ний момент тот струсил и уехал. Завести стоявший у подъезда служебный «уазик» преступнику не удалось, и, бросив тяжеленный мешок с «трофеями», он скрылся с одним «Макаровым» в кармане.

Началась кропотливая работа следственно-оперативной группы. Было допрошено 108 свидетелей и представителей потерпевших. Назначена и проведена 31 судебная экспертиза. Судебно-психиатрическая экспертиза дала заключение: признаков психического заболевания у обвиняемого не имеется, он может отдавать отчёт в своих действиях и руководить ими. Во время убийства Андрей был просто пьян.

Менее чем через два месяца Шпагонову, Ковалёву и их защитникам было представлено для ознакомления уголовное дело. А спустя неделю его передали в Верховный суд Татарстана.

Из обвинительного заключения: «Предварительным расследованием установлено: в начале апреля 1992 года А. Шпагонов и Д. Ковалёв, действуя из корыстных побуждений с целью личной наживы, вступили в преступный сговор для совершения хищения огнестрельного оружия и боеприпасов путём разбойного нападения с республиканского узла специальной связи и их последующей продажи...»

Из показаний потерпевшей Л. Фарзиевой: «Около 21 часа 20 минут мы закончили работу и стали ждать фельдгегерей из Москвы, знали, что должны приехать Садриев и шофёр. Раздался стук в дверь, подумали, что приехали егеря, и пошли открывать. Вошёл мужчина в светлой куртке, и тут же раздался хлопок, похожий на звук ёлочной хлопушки. Вслед за этим Минзянова испуганно вскрикнула. Я подумала, что это Садриев шутит, подскочила к нему и увидела, что это не он, а Андрей. В этот момент я стояла лицом к Андрею. Хорошо рассмотрела его и узнала...»

В этот момент я увидела, как Андрей навёл пистолет на меня и выстрелил. Боли я не почувствовала. Когда я падала, то успела заметить, как Андрей подошёл к Мордановой и выстрелил в неё. Затем я потеряла сознание... Я поняла, что Андрей убил егерей... Когда пришедшие на пожар люди выломали ломом решётку и вытащили меня из окна, глаза у меня были закрыты, я не видела людей, а слышала их голоса. Тогда я успела сообщить, что убийца ходил по третьему маршруту, зовут Андрей...».

После выстрелов в упор, с пулями в груди и в подбородке, в полуобморочном состоянии женщина выбралась из кабинета и потом долго пряталась от убийцы. Он, заметив свою оплошность, тщетно пытался найти её на залитых кровью этажах, а потом поджжёт здание.

Указом Президента Российской Федерации Бориса Ельцина Ляля Фарзиева была награждена орденом «За личное мужество». На торжественном приёме в Казанском Кремле вице-президент Татарстана Василий Лихачёв вручил ей награду.

Верховный суд Татарстана приговорил Андрея Шпагонова к исключительной мере наказания – расстрелу (тогда ещё применялась смертная казнь). Верховный суд России, рассмотрев кассационную жалобу Шпагонова, оставил приговор в силе. Президент Татарстана и Президент Российской Федерации также отклонили прошение о помиловании.

После вынесения приговора Шпагонов провёл в камере смертников 1100 дней. Ему было 23 года.

Из письма Шпагонова к родным: «Господи, зачем я это сделал! За что вам и мне такое наказание! Простите меня, если сможете. Прощайте. Ваш сын и брат Андрей».

Банда Чекиста и банда Любимова

«Лев» прыгнул, власть это заметила, но официально преступные сообщества продолжали оставаться невидимками: в уголовном праве по-прежнему не существовало такого понятия. Правда, формироваться группировкам это не мешало: в 80-е годы они зарождались по всей стране. И если отследить историю создания организованных преступных сообществ, окажется, что во всех случаях использовалась практически одна и та же схема: образование по территориальному признаку, жёсткая внутренняя дисциплина с максимально жестоким наказанием за неподчинение, обязательные взносы в «общак» и постоянное поддержание физической формы.

Статья УК «Бандитизм» тоже работала, мягко говоря, неактивно. Между судебными процессами по этой статье в республике прошло почти полтора десятилетия: следующей после «Тяп-ляпа» перед судом по обвинению в бандитизме предстала так называемая банда Чекиста в 1993 году.

Чекист – Газинур Хисматов – бывший директор одной из школ Альметьевска, начал создавать свою группировку примерно с 1989 года и за короткое время сколотил банду настоящих отморожков. Он арендовал спортзалы для тренировок, ввёл систему штрафных санкций за нарушение внутренних правил группировки, установил специальный взнос в «общак», который к 1992 году составлял по 20 тысяч рублей с каждого. На эти деньги покупались оружие, машины, оплачивались текущие расходы. Разумеется, это не было основной финансовой базой группировки – банда занималась рэкетом, и очень жёстким.

Банду разрабатывали несколько месяцев, и, как обычно бывает в таких случаях, «зверь сам выбежал на ловца». Тридцатого мая 1993 года в дежурную часть поступило сообщение, что на территории базы СУ-2 треста «Татнефтегеплострой» в Альметьевске произошла перестрелка, есть убитые и раненые.

Как выяснилось, перестрелка стала итогом конфликта между группировками Чекиста и некоего Габсаляма (о нём речь пойдёт позже). В десять вечера они «забили стрелку» на автобазе, но договориться не смогли, в итоге четверо убитых (один из пострадавших оказался случайной жертвой) и двое тяжелораненых.

Удалось задержать целую группу. Над раскрытием этого преступления в Альметьевске несколько месяцев безвылазно работали лучшие оперативники во главе с заместителем министра Наилем Сафиуллиным*. В ходе расследования вскрывались всё новые и новые факты. Был найден склад оружия группировки, которое хранилось в подвале одного из жилых домов: одиннадцать автоматов, одиннадцать гранат, восемь винтовок и пистолетов, тринадцать обрезов.

А на одной из строек оперативники обнаружили целый... средневековый пыточный арсенал. Глазам пришедших предстали виселицы, гробы, ёмкости с водой. Оказалось, что по приказу главаря боевики похищали состоятельных жителей города. Выколачивание дани сопровождалось жестокими истязаниями – похищенных пытали, а самых несговорчивых укладывали в гробы и закапывали живьём.

Прокуратура республики возбудила уголовное дело по статье «Бандитизм», ставшее, как я уже говорил, вторым случаем после судебного процесса над бандой «Тяп-ляп». К уголовной ответственности были привлечены 47 человек из группировки Чекиста и 14 из группировки Габсалямова. Сам Хисматов в тот момент ареста избежал, его взяли позже – через три года в Набережных Челнах. Суд приговорил Чекиста к 15 годам лишения свободы.

В это же время в Елабуге орудовала другая банда, которую возглавлял Анатолий Любимов. Как ни странно, характеризовался он как очень образованный и интеллигентный человек, тем не менее его банда отличалась огромной дерзостью и жестокостью. Именно на его совете убийство депутата Горсовета Набережных Челнов Сафиуллина. Тот имел неосторожность

вступить с Любимовым в открытый конфликт, был убит в собственной машине на трассе Елабуга – Набережные Челны. Его остановили на дороге два бандита, переодетые в форму инспекторов ГАИ, и расстреляли из автомата и самого депутата, и водителя.

Убийцы скрылись в Менделеевске, а когда на их след вышли сотрудники милиции, попытались их подкупить. Подкупить не удалось, и тогда преступники расстреляли ещё двух милиционеров, после чего ушли в лес. Оперативники татарстанского Управления по организованной преступности работали совместно с лировским ОМОНОм. В результате операции удалось задержать всю верхушку банды, а чуть позже в десяти километрах от Елабуги в чистом поле сотрудники УОПа обнаружили зарытый склад оружия: автоматы, гранаты, боеприпасы. Любимов вообще оказался равнодушен к оружию – у него изъяли... бронетранспортёр. Психологи, кстати, многое могут пояснить о любителях подобного выпендрёжа и о том, насколько такие люди опасны.

Банды Чекиста и Любимова, пожалуй, самые жестокие и дерзкие для своего времени, на их совести большое количество кровавых преступлений. После громких процессов по этим преступным группировкам стало понятно, что милиция может поставить заслон на пути криминала.

Хотя говорить о стабилизации обстановки было преждевременно, но именно в это время у правоохранительных органов появилась уверенность в том, что они в силах бороться с организованной преступностью. Борьба с беспределом обрела реальные формы.

«Когда в товарищах согласия нет...»

Реальное противостояние преступности, как ни крути, невозможно без прямого участия власти. Чтобы хоть как-то уравновесить неадекватность УК и УПК хотя бы на уровне региона, в республике была принята Государственная комплексная программа борьбы с преступностью. Весной 1993 года Президент Татарстана Минтимер Шаймиев* подписал Указ «О чрезвычайных мерах по борьбе с преступностью», а чуть позже соответствующее постановление принял и Совет министров республики. Не вдаваясь в подробности, скажу только, что эти решения дали возможность задерживать членов ОПГ до 30 суток (вместо 3, положенных УПК).

Сколько времени нужно, чтобы допросить одного человека по всем правилам, организовать опознание и очные ставки, провести обыски по адресам его друзей и родственников? Вопрос чисто риторический, так как понятно, что много, очень много. А если подозреваемых несколько? А если это члены группировки и их десятки? Как ни старайся, но на то, чтобы собрать достаточно улик для возбуждения уголовного дела, у тебя только 72 часа и ни минутой больше.

За тридцать же дней можно успеть отработать не одну, а несколько следственных версий. Задержанные группировщики превратились для оперативников в этакие «киндер-сюрпризы» – неизвестно ведь, какой криминальный шлейф тянется за каждым. Кто-то даёт наводку на торговцев оружием, кто-то – на бригаду киллеров.

Нечто подобное примерно в то же время использовала полиция Нью-Йорка, переживавшего настоящий криминальный бум*. Только они не стали вносить изменения в законодательство (они вообще это не любят), а использовали то, что есть. Американский полицейский не имеет права остановить гражданина, если тот ничего не нарушил, так что они стали ловить... безбилетников. У нью-йоркских банд считалось особым шиком влетать в метро, перепрыгивая через турникеты и шокируя окружающих дикими криками. И вот на всех станциях подземки появились переодетые полицейские. Бандиты врываются в метро и оказываются в объятиях стражей закона. Буквально за полгода там были раскрыты десятки тысяч преступлений, и волна преступности пошла на спад.

К сожалению, в нашей реальности этого не произошло, хотя, посчитав татарстанский опыт удачным, федеральная власть пошла по тому же пути – в июне 1994 года вышел Указ Президента Российской Федерации о введении в действие «системы неотложных мер борьбы с бандитизмом и иными тяжкими преступлениями, совершаемыми организованными преступными группами». Теперь уже по всей стране допускалось задержание до 30 суток, а при наличии уголовного дела мера пресечения в отношении участников бандформирований предусматривалась только в виде ареста (никаких подписок о невыезде или залога). Кроме того, для подобных дел исключалось понятие банковской и коммерческой тайны, экспертизы, а также сбор вещественных доказательств можно было проводить и ДО возбуждения уголовного дела... В общем, правоохранительным органам дали карт-бланш, однако революции так и не случилось.

И пусть в течение одного только года с начала действия указа «О чрезвычайных мерах...» в Татарстане было задержано около 5 тысяч членов группировок, в общем и целом на криминаленности обстановки это практически не сказалось. Почему? Вот только один пример.

В 1993 году в центре Зеленодольска среди бела дня у гостиницы «Маяк» на стрелку собрались более сотни «братков». Одну сторону представляла сборная группировщиков Зеленодольска, другую – зеленодольская же бригада Курицина, которую называли «Птичьей». Силовую поддержку Курицину на этой встрече оказывали казанские коллеги – члены ОПГ «Зининские». Предметом выяснения отношений являлся городской колхозный рынок, и дело закончилось стрельбой из автоматов. После первых же очередей толпа быстро рассеялась. На асфальте остались четверо: двое убитых и двое раненых.

Зеленодольской милиции задержать по горячим следам никого не удалось. Уголовное дело вскоре приостановили, вернувшись к нему год спустя, когда в 1994 году в Москве нашли тело одного из участников той перестрелки – Галкина, убитого выстрелом в голову.

Началась методичная отработка членов всех трёх группировок, бывших «на стрелке» год назад. Оказалось, что сразу после событий 1993 года Галкин сбежал в Москву. Вместе с ним в ссылку отправились ещё двое, в том числе и «зининский» Олег Зубарев.

По оперативной информации, убийство Галкина совершил именно он. Оставалось найти и задержать подозреваемого (Зубарев часто ездил в Казань, где жила его семья). Что примечательно, как раз в тот момент, когда оперативники работали в столице, Зубарева задержали в Казани на 30 суток. Но этот срок истёк буквально за пару дней до возвращения оперативников, везущих сведения, достаточные для ареста.

Восемь месяцев длились поиски, которые шли параллельно и в Москве, и в Казани. Помимо Зубарева, отработывали участников всех причастных группировок. Взяли Зубарева в Кирове. В офисе фирмы, где он прятался, изъяли целый арсенал: два гранатомёта, четыре автомата, четыре пистолета и боеприпасы.

Первым состоялся суд по факту стрельбы в 1993 году. Как ни странно, но за расстрел фактически четырёх человек все подсудимые отделались более чем легко. Им вменили лишь две статьи: незаконное ношение оружия и превышение пределов необходимой самообороны. Следовательно, и сроки наказания они получили смешные: ни один обвиняемый не был приговорён к реальному лишению свободы. В основном ограничились принципом: сколько отсидел в следственном изоляторе, столько получил и в приговоре. Всех освободили прямо в зале суда.

Единственный, кто понёс тогда заслуженное наказание, это Олег Зубарев. Суд Москвы признал его виновным в покушении на убийство и в убийстве Галкина и приговорил к 12 годам лишения свободы.

Кстати, хороший урок для всех, кто верит в «кодекс чести» бандитов. Галкин был убит не из-за каких-то идеологических расхождений с сообщником, а по причине банальной жадности поделника. У них было два «Мерседеса», которые собирались дооформить, продать и поделить деньги. Но делить гораздо приятней на двоих, чем на троих...

Итак, что в сухом остатке? Восемь месяцев работы оперативников, командировок по разным городам России, погонь за преступниками с риском для жизни. Задержать человека, который не горит желанием садиться в тюрьму и мало чего боится в этой жизни, – это не фунт изюма. По одному адресу сотрудников пытались затравить собаками, по другому – подозреваемого взяли только после получасовой погони по снегу. Кого-то пришлось брать прямо в церкви во время рождественской службы.

Но задержать – это только 20 процентов работы, надо собрать ещё и доказательную базу. И вот задержали, собрали – для чего? Для того, чтобы бандитам в суде погрозили пальцем...

Не может одно отдельно взятое ведомство нести ответственность за процессы, идущие в стране. Как Минздрав не может отвечать за сокращение продолжительности жизни, как Минобразования – за то, что каждое новое поколение становится всё менее образованным, так и МВД без поддержки других структур не может в одиночку справиться с преступностью.

И вот здесь нельзя не сказать ещё об одной неприятной странице в истории противостояния криминала и милиции. Из песни, как говорится, слов не выкинешь.

Подразделение по борьбе с организованной преступностью довольно громко зарекомендовало себя: бандиты их по-настоящему боялись. С Александром Хамматовым* и его бойцами много раз пытались договориться и по-хорошему, и с угрозами. А когда оперативники всерьёз взялись разматывать клубок преступлений в противостоянии между ОПГ «Перваки» и «Борисково», в прокуратуру республики поступили некие материалы в отношении руководства управления по организованной преступности. Несколько человек, проходивших по учётам

МВД как члены ОПГ, жаловались, что начальник управления вместе с подчинёнными лично избивали их, выбивая показания.

Возбудили уголовное дело по статье «Превышение должностных полномочий», началось расследование. Очень многие тогда считали, да и сейчас продолжают так думать, что дело было неоднозначным. Его то прекращали, то возобновляли, какие-то показания «потерпевших» рассыпались, появлялись новые. Всё закончилось обвинительным приговором, который, впрочем, спустя некоторое время отменили.

Я в это время возглавлял Управление специальной службы при МВД, проще говоря, руководил службой охраны президента республики, но продолжал быть в курсе происходящего в МВД. И моё мнение – нельзя было так поступать с ребятами. Система просто сдала своих, отступилась, предала. (Для себя на будущее я сделал определённые выводы: если виновность сотрудника вызывает сомнения, если всё указывает на то, что человека хотят подставить, нужно за него бороться. Невзирая на статус или его отсутствие, всё равно, полковник он или сержант.)

В любом случае тот, кто хотел вывести оперативников из игры, своего добился: Александр Хамматов и большая часть его команды были вынуждены уволиться из органов. На какое-то время Управление по борьбе с оргпреступностью оказалось парализованным. Насколько это затормозило работу по противодействию криминалу, сейчас остаётся только гадать.

Часть I. Захват

Захват – приём, дающий борцу контроль над частью тела противника.

Толковый словарь спортивных терминов

Организованные преступные сообщества Татарстана в подавляющем большинстве случаев походили друг на друга как близнецы. Образовавшись в середине 80-х, все они назывались либо созвучно месту проживания большинства членов группировки, либо по имени своего вожака. От уличных драк и кулачных боёв к концу 80-х они переходили к рэкету, вымогательству и «крышеванию», а в начале 90-х переориентировались на «алкогольные войны», пивной и водочный бизнес. Рано или поздно практически в каждой группировке возникали внутренние трения, заканчивавшиеся физическим устранением конкурентов.

1998-й. Начало

В июне 1998 года Президент Татарстана Минтимер Шаймиев сказал мне, чтобы я готовился возглавить МВД республики. Озвучил предложение Минтимер Шарипович в свойственной ему манере – как бы между прочим. Мы ехали в одной машине (я сопровождал президента в деловой поездке в Москву), и он спросил: «Знаешь, кто такой Степашин*? Мы сегодня встречаемся, буду ему тебя предлагать в качестве кандидата в министры...»

В милиции я хотел служить с детства. Такое вот романтическое стремление – помогать торжеству справедливости. Правда, я мечтал стать ещё и капитаном дальнего плавания, но не прошёл медкомиссию из-за вестибулярного аппарата, так что будущее моё определилось окончательно. Другое дело, что, заканчивая юрфак Казанского университета, я всерьёз планировал добиваться звания судьи, поэтому в МВД уже не собирался. Более того, распределение в милицию считалось среди нас, юрфаковцев, мягко говоря, не особо престижным – уделом для тех, кто никак себя не проявил.

Однако, как известно, Вселенная чувства юмора не имеет, и все по-настоящему горячие желания сбываются обязательно. Так что сбылось и моё детское. Тогдашнее руководство обкома партии решило, что необходимо усилить милицию хорошо подготовленными, квалифицированными кадрами, поэтому часть нашего выпуска была распределена в следственные подразделения МВД.

О своей работе следователем в Советском РОВД Казани я уже писал и не буду на ней подробно останавливаться, скажу только, что эти годы «на земле» дали мне понимание реальной жизни – как на самом деле обстоят дела в милиции. Здесь же появилось и уважение к службе, я почувствовал – это моё. Первые офицерские традиции, первые сослуживцы, первые уголовные дела. Дух свободы, помноженный на ответственность, плюс ощущение, что от тебя, от принятого тобой решения действительно многое зависит. Мне кажется, первые серии «Ментов»*, так же как и книги Андрея Кивинова*, пользовались успехом именно потому, что он, будучи сам милиционером, смог передать дух царящей в те годы вольницы, милицейского братства в борьбе с преступностью, где все средства хороши. Другое дело, что одни понимали свободу как возможность помочь делу справедливости, а другие – как бесконтрольность и безнаказанность...

В 1987 году меня пригласили на работу в Совет министров республики – в отдел, курирующий правоохранительные органы. Я соответствовал предъявляемым требованиям: не был, не привлекался, не участвовал, являлся членом партии, был секретарём комсомольской организации... По большому счёту, ставку делали на моего однокашника Андрея Рябова, я же шёл под его начало и по его протекции. Но тут случился курьёз в духе советской действительности – всплыл старый документ, написанный Андреем ещё в студенческие годы (когда встал вопрос о военной службе, он подал рапорт о желании служить в военной прокуратуре). Прошли годы. Рябов спокойно проработал после окончания юрфака в прокуратуре, был назначен на должность в Совмине, как вдруг неожиданно давно забытому рапорту дали ход. Состоялся приказ Минобороны СССР, с которым Совмин автономной республики тягаться не мог, и Андрей на два года отправился служить на Крайний Север. А я – курировать органы внутренних дел в качестве старшего референта Совета министров ТАССР. Конечно, я допускал возможность, что рано или поздно вернусь в милицию (хотя формально я из неё и не уходил) начальником какого-нибудь подразделения, но возглавить ведомство?! Прямо скажу, назначение министром стало для меня полной неожиданностью. Однако президент посчитал, что так будет правильно, а работая с Минтимером Шариповичем, я не привык подвергать сомнению или ревизии его решения. Страшно, конечно, было, но пугала меня не ответственность или объём работы, нет, боялся не оправдать доверия, опозориться.

Ситуацию в МВД я более-менее знал, так как по роду службы постоянно поддерживал связь с руководителями и центрального аппарата, и ГРОВД. Представлял и проблемы... А кто их не представлял? Чтобы не иметь понятия о происходящем, надо было жить за пределами не только Татарстана, но и вообще России.

Социальная катастрофа

Преступность не просто росла, самые страшные и дикие преступления становились уже нормой, обыденностью. Ведь что такое общественная мораль? Это то, что люди договорились считать правильным, а договорённости в разное время могут быть разными. Когда в XI веке византийский император Алексей впервые публично решил заживо сжечь еретика, это тоже было неслыханным и диким для христианства (которое, в отличие от язычества, отрицало казни и пытки), а потом – ничего, прижилось почти на целое тысячелетие. Привыкли. Человек вообще, как показывает история, очень быстро привыкает ко всему – и к массовым казням, и к концлагерям...

Так же и у нас в то время привыкли к выстрелам в подъездах, к сиренам на улицах, к милицейским сводкам, больше похожим на военные. Вот буквально несколько выдержек из оперативной сводки за май 1998 года – месяц, предшествовавший моему назначению:

2 мая

Елабужский район. В 19.00 в своём доме обнаружен труп директора ресторана «Елабуга» с 2 огнестрельными пулевыми ранениями в височной области.

4 мая

Казань. В Московском районе трое проникли в квартиру индивидуального частного предпринимателя, где один из преступников дважды выстрелил в хозяина квартиры, который скончался на месте.

12 мая

Казань. В Кировском районе на лестничной площадке подъезда дома по ул. 25 лет Октября обнаружены трупы Комлева и Бариева с огнестрельными ранениями головы.

14 мая

Казань. В Советском районе на лестничной площадке у своей квартиры обнаружен труп активного участника ОПГ «Курчатова», кличка Генрих, с огнестрельным пулевым ранением спины.

15 мая

Менделеевский район. В с. Тихоново преступник произвёл, предположительно из ПМ, несколько выстрелов в находящихся в а/м «БМВ» Стрелкова, члена ОПГ «Мамшиовцы», который скончался на месте, и Ситдикова, члена ОПГ «Мамшиовцы», который с огнестрельными ранениями руки и бедра госпитализирован в ЦРБ. Задержаны Минигулов и Фаттахов, члены ОПГ «Мамшиовцы».

21 мая

Казань. В Ново-Савиновском районе в д. 27 Б по ул. Адоратского обнаружен труп Хуснутдинова, члена ОПГ «Киноплёнка», с 8 огнестрельными пулевыми ранениями в голову и другие части тела.

21 мая

Казань. В Московском районе на лестничной площадке д. 83 А по пр. Ибрагимова обнаружен труп Керна, члена ОПГ «Киноплёнка», с 5 огнестрельными пулевыми ранениями в голову и другие части тела.

24 мая

Казань. В Приволжском районе на лестничной площадке д. 29 по ул. Мавлютова обнаружен труп Исмаилова, члена ОПГ «Перваки», с огнестрельными ранениями в голову, спину

и ягодищу, а также от д. 48 по ул. Мавлютова в БСМП с огнестрельным ранением в спину доставлен Пушкарёв, член ОПГ «Перваки», который, не приходя в сознание, скончался.

31 мая

Казань. В Ново-Савиновском районе у подъезда потерпевшего неизвестный произвёл 3 выстрела из неустановленного оружия в Хуснуллина И. И., 1968 г. р., ул. Гаврилова, 14–35, неработающего, который с 2 огнестрельными пулевыми ранениями в голову и 1 ранением в шею был доставлен в 7-ю горбольницу, где скончался.

И это только май, и только преступления, проходившие по учётам МВД как «разборки на почве раздела сфер влияния», не считая убийств, совершаемых, чтобы скрыть другие преступления – ограбления, изнасилования. Обнаглевшие представители «крыш» избивали и убивали предпринимателей, те в свою очередь платили им той же монетой. В посёлке Северный частный предприниматель на пороге своего дома при самозащите расстреливает из охотничьего ружья местных группировщиков. Другой предприниматель стреляет в вооружённого ножом преступника, напавшего на него прямо в офисе, и убивает наповал.

Нераскрытыми оставались десятки резонансных убийств, в том числе директора Усадского спиртзавода Владислава Баранова, директора пивзавода «Красный Восток» Айбата Айбатова, директора ООО «Татпак» Якова Галяметдинова, совершённые в 1996 году.

В том же 96-м были совершены беспрецедентные по наглости и общественной опасности преступления: расстрелы участников группировки «Низы» прямо на глазах у посетителей в кафе «Мозаика» и пивном баре «Раки». Они тоже оставались нераскрытыми.

Девяносто шестой год был лидером по количеству самых диких и чудовищных преступлений. Кровавым апофеозом 96-го года стало убийство пятерых людей, совершённое директором казанского филиала Института проблем информатики РАН Кареном Жамогорцяном. Уважаемый в научных кругах профессор, член международной академии хладнокровно расстрелял в своём кабинете четверых сослуживцев, после чего на служебной машине отвёз жену в больницу, где у подъезда приёмного покоя убил её выстрелом в затылок, а сам покончил с собой. Истинные мотивы этого преступления так и остались неизвестными, но то, что Жамогорцян готовился к нему заранее, сомнений не вызывало: заранее приготовленное оружие (газовый пистолет «Байкал», переделанный под стрельбу боевыми патронами), хорошо рассчитанное время (обеденный перерыв) и место (кабинет, чьи двойные двери и толстые стены поглотили звуки выстрелов). Какие бы причины ни толкнули учёного на этот шаг, немолодой интеллигентный семейный человек посчитал расстрел пятерых ни в чём не повинных людей единственным достойным выходом.

Что уж говорить о тех, кто интеллигенцией себя не считал, – ежемесячно милицейские сводки бесстрастно фиксировали по пятьдесят-шестьдесят убийств из разряда «бытовых». Если существуют социальные эпидемии, то к концу 90-х можно было говорить про настоящую социальную пандемию. Когда люди перестают понимать границы дозволенного, когда кажется, что результативней попросить помощи у соседа-братка, чем у официальной власти, когда проще заказать убийство близкого родственника, чем поладить с ним любовно. А что такого? Если другим можно, то почему мне нельзя?

В посёлке Балтасы водитель местной прокуратуры несколько дней отравляет аккумуляторным электролитом пищу жены – она погибает в мучениях от интоксикации. В Елабуге 20-летний ублюдок вместе с приятелем душил свою 19-летнюю жену, чтобы не делить имущество при разводе. В Казани механик земснаряда, разозлившись на домашних, смертельно ранит ножом жену и убивает 4-летнего сына. При аналогичных обстоятельствах в Казани же во время семейного скандала от руки отца погибает годовалая девочка, получив ножевое ранение в шею. Казанская пенсионерка, устав от пьяных выходок внука, убивает его, а затем вместе с дочерью (между прочим, матерью погибшего) расчленяет тело, чтобы вынести из квартиры и закопать

по частям. Плюс случаи абсолютно немотивированного, спонтанного насилия, когда праздничное застолье мгновенно переходит в резню или перестрелку.

Мы были близки к той критической точке, после которой знаменитое «Чикаго 20-х» показалось бы милой детской сказкой.

Нельзя сказать, что в МВД недооценивали ситуацию, – с моей точки зрения, бывший министр Искандер Галимов* всё делал правильно. В конце концов, и комплексная программа борьбы с преступностью, и знаменитый указ «О чрезвычайных мерах» появились при его непосредственном участии. И сама стратегия борьбы с бандами вырабатывалась при Галимове. Как профессионал он начал формироваться, что символично, именно на деле «Тяп-ляпа», будучи простым «опером» Приволжского РУВД, включённым в бригаду по расследованию этого дела. И он всегда был сторонником громких расследований, а не замалчивания. Так что мне казалось, что направление задано и не надо выдумывать ничего лишнего. Достаточно чётко сформулировать долгосрочную концепцию, предусматривающую вопросы и учётов, и критериев оценки, и ротации кадров, и профилактики коррупции...

Так что революции делать я не собирался, а решил, что буду продолжать уже определённую линию, но произведу некоторые кадровые перестановки, в первую очередь в подразделениях криминальной милиции. Возглавить это направление в должности первого заместителя я пригласил Рената Тимерзянова. Надо сказать, что его назначение далось нам не так уж и просто, ведь по неписаному правилу, если министр внутренних дел – татарин, то первым заместителем обязательно должен быть русский. Проблему решили тем, что на должность заместителя по кадрам пригласили Александра Вайду, заменив им предшественника-татарина. Москва хоть и со скрипом, но согласилась.

Первый заместитель – не просто человек, которому в своё отсутствие я должен доверять руководство министерством. Это ещё и тот, кто должен взять на себя ответственность за всю криминальную ситуацию: раскрытие убийств, разбоев, краж. И, разумеется, за ликвидацию преступных группировок. На этой должности я видел только Рената, мне позарез был необходим именно такой человек: бескомпромиссный, принципиальный, беспощадный. Не только знающий от и до оперативную работу, но и с повадками волкодава: если вцепился в кого-то, уже не выпустит, не простит и не забудет.

Киллер-неудачник

В Татарстане первым официально осуждённым киллером стал Алексей Карпунин по кличке Подлиза. Он не был профессионалом, да и «заказ» его стал первым и последним.

Около 8 утра 12 октября 1995 года директор Центра содействия предпринимательству при главе администрации Казани Альберт Невский вышел на работу. Лифт не работал, и Невский пошёл пешком. На молодого человека, который спускался по лестнице вслед за ним, скорее всего, он просто не обратил внимания. Между пятым и шестым этажом раздался выстрел...

Было отработано множество версий, проверены горы служебной документации. Со всех сторон Невский характеризовался только положительно. Связей с криминальными структурами не имел. Законопослушный чиновник, который ни по роду деятельности, ни по личным интересам и человеческим качествам не мог никому встать поперёк дороги. Проходили дни и недели. Никаких зацепок по делу не было. Но однажды произошло то, чего никто не ожидал. Киллер проявился сам. Да ещё каким образом – дал интервью казанскому телеканалу! Это, кстати, указывало, что действовал не профессионал, а любитель, к тому же небольшого ума, ведь настоящий киллер ни за что не стал бы светиться просто так.

На камеру убийца подробно рассказывал о подготовке и деталях покушения, предусмотрительно разрешив снимать себя лишь со спины. Тележурналист не знал имени и фамилии героя своего сюжета, поэтому пришлось составлять психологический портрет преступника.

Ведь больше, чем паспортные данные, о человеке могут сказать его неповторимые индивидуальные особенности. Лучшие криминалисты и психоаналитики скрупулёзно изучали тембр голоса, особенности дикции, строение затылка, причёску и даже шевеление ушей во время разговора.

Скоро «объект» был расшифрован. Психолог сказал, что убийца – человек начитанный, у него определённый круг общения, скорее всего – университет. На первом этаже одного из зданий университета есть рекреация, излюбленное место сборов десятков поколений студентов – «Телевизор». И, отработав этот круг людей, оперативники получили много интересной информации.

Подозреваемым оказался 20-летний Алексей Карпунин, недавно уехавший в Архангельскую область вместе с подружкой. Группа захвата, отправившаяся в Котлас, арестовала убийцу. У него изъяли и оружие убийства – пистолет, из которого, согласно заключению баллистической экспертизы, была выпущена роковая пуля.

Оказалось, что роль исполнителя убийства первоначально Карпунину не отводилась. Заказчик – водитель начальника службы безопасности одного из казанских коммерческих банков – предложил «заказ» своему знакомому студенту Александру Суркову. Убить требовалось директора одного из казанских предприятий, цена – десять тысяч долларов. Сурков подключил своего друга, монтажника Роберта Измайлова, пообещав ему за услугу шесть с половиной тысяч «зелёных». Карпунина взяли исключительно для подстраховки, он должен был помочь убийце переодеться, а затем вернуться на «объект» и наблюдать за дальнейшим развитием событий. За соучастие ему пообещали пятьсот долларов.

Получив оружие и патроны, сообщники установили наблюдение за жертвой, изучили его расписание. Но, встретившись с Измайловым накануне решающего дня, Карпунин понял, что тот может погубить операцию: нервничает, руки трясутся – какой из него стрелок? И предложил свою кандидатуру, но за удвоенную плату.

В день убийства Подлиза поднялся на восьмой этаж и укрылся за мусоропроводом. Когда хлопнула дверь и «объект» стал спускаться по лестнице, он последовал за ним и, пройдя несколько пролётов, выстрелил тому в голову.

На самом деле Карпунин убил не того человека, о чём узнал из выпуска вечерних новостей. Невский жил на одной площадке с «объектом», был примерно того же телосложения, и в утренних сумерках убийца обозначился. Студент был готов «исправить ошибку», но заказчик от его повторных услуг отказался. Денег, понятное дело, Карпунину не заплатили, поэтому он решил хоть как-то заработать на своём преступлении. Полученный от телеканала гонорар в двадцать тысяч рублей убийца потратил на поездку в Котлас, считая, что там его уж точно не найдут.

На суде в своём последнем слове он без запинки произносил выученные фразы о чисто-сердечном раскаянии, винился перед родственниками убитого им человека, но постоянно проговаривался: «Ни за что бы не согласился, – говорил он, – если бы не деньги... А денег-то мне и не заплатили».

Суд не поверил в раскаяние Подлизы, который сам вызвался на роль убийцы за дополнительную плату в пятьсот долларов, и приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы, так же как и Суркова. Измайлов получил десять лет заключения.

Сотрудники конвойной службы рассказывали, что, когда Карпунина в наручниках выводили из зала, его родная мать, пробравшись сквозь толпу, плюнула сыну в лицо.

Сыщики

Одним из оперативников, раскрывавших дело Подлизы, был Ринат Беляев. Образ сыщика у каждого свой. Для кого-то сыщик – это Пуаро, Мегрэ, у кого-то – Шарапов или Жег-

лов. А в моём понимании, в моём восприятии сыска – это полковник Беляев, легенда татарстанского уголовного розыска. В своё время он поработал в составе оперативно-следственной бригады Гдьяна и Иванова по знаменитому «Хлопковому делу»*, а в 90-е годы Ринат возглавлял отдел по тяжким преступлениям против личности в уголовном розыске МВД.

Во второй половине 90-х «заказать» человека стало делом почти обыденным. Я уже возглавлял МВД, когда отдел Беляева задержал Алишера Эйвазова, больше года находившегося у них «под колпаком». В начале 97-го года оперативники получили информацию, что один из казанских коммерсантов ищет киллера. В Казань откомандировали сотрудника убойного отдела из Набережных Челнов и внедрили его под видом охранника к Эйвазову. Парень ещё в армии щедро покрыл своё тело татуировками и без труда выдал себя за недавно освобождёвшегося.

Алишер поначалу осторожничал, проверяя бойца на других преступлениях. Поручил разбить окно в квартире одной молодой девушки – за дополнительную оплату, сжечь машину конкурента. Исполнение заказов он всегда проверял, так что Беляев со своими бойцами был вынужден имитировать и вандализм, и поджоги. Журналисты в этом деле с удовольствием помогали – фото сожжённой машины даже опубликовала «Вечерняя Казань». Так, в течение года было якобы совершено 12 преступлений, заказанных Эйвазовым, вплоть до поджогов домов. Материал по организации серии преступлений уже собирались передавать в следствие для возбуждения уголовного дела и ареста, как вдруг позвонил «засланный казачок» и сообщил, что от Эйвазова поступил заказ на убийство. Аванс выплачен, разговор записан на плёнку.

На записи чётко было видно и слышно, как заказчик инструктирует исполнителя: не стрелять, а зарубить топором в подъезде. Причём обязательное условие – нанесение множественных ударов, чтобы создать иллюзию нападения психически неадекватного человека. В общем, парня ожидала мучительная смерть.

«Заказанный» коммерсант никак не мог поверить, что его хотят ликвидировать, а просмотрев запись, растерялся и только спросил, во сколько оценили его жизнь. Узнав, что в пятнадцать тысяч рублей, крайне возмутился, ведь Эйвазов должен был ему четырёхста неденоминированных миллионов.

Беляевскому отделу принадлежит и задержание межрегиональной банды, терроризировавшей Казань в 1998 году. Схема преступлений всегда была одна и та же, но работала безотказно. На выезде из города молодая полненькая женщина с двумя большими сумками останавливала попутные машины. Позже она просила остановиться якобы по нужде, и в этот момент в машину врывались два здоровых мужика, убивали водителя, тело прятали в лесу, а машину угоняли. Оперативники выяснили, что все машины потерпевших двигались на юг, в сторону Оренбургской области, и вскоре задержали банду из восьми жителей Оренбурга.

Не получалось только вычислить главаря, бандиты его ни в какую не сдавали. Ничего не говорила и весёлая толстушка-хохотушка. Её так прозвали, потому что на допросах она всё время шутила и смеялась. Даже возникли сомнения в её причастности к преступлению, поначалу думали, что её использовали вслепую: высаживали где-то по дороге, а потом уже убивали водителей.

Всё выяснилось, когда нашли похищенные автомобили – в Казани. Продавать числящиеся в угоне машины бандиты не рисковали, они разбирали их на запчасти в одном из казанских автосервисов. Когда директора автосервиса арестовали, он и назвал имя главаря. Выяснилось, что именно «хохотушка» руководила бандой. Она сколотила группу, она подыскивала объекты. В банде ею была создана жёсткая дисциплина, все мужчины подчинялись атаманше беспрекословно. Она предупреждала: если кто-то где-то «засветится», будет ликвидирован.

Беляев – это гений сыска, и он мог раскрыть ещё не один десяток преступлений, если бы не трагедия. Во время четвёртой командировки в Чечню полковник милиции Ринат Беляев был

тяжело ранен в боестолкновении у села Белоречье в 2001 году. Он чудом выжил, но навсегда остался инвалидом.

Пока «Гром» не грянет...

Организованная преступность – это система, причём довольно жёсткая, и бороться с ней «точечными ударами» бесполезно, всё равно что выступать неорганизованной толпой против чёткого строя противника. Здесь необходима ещё более высокая организация и комплексный подход. Комплексный – значит «заходить» нужно с нескольких сторон сразу.

Во-первых, мы постарались разделить сферы компетенции между оперативными структурами. Уголовный розыск раскрывает конкретные преступления, УБОП* работает от противного: зная фигурантов преступной группировки, разматывает криминальный клубок, идя от личностей. Подразделения БЭП выясняют источники финансовой подпитки, НОН действует по своей линии. Где-то посередине процесса оперативные службы пересекаются, и вот он – момент истины! Хотя чётких границ в оперативной деятельности нет и очень часто в работе службы дублируют друг друга, но это только приближает результат.

Вторым шагом стало создание единой информационной базы. Ведь ясно как божий день, что информация о «художествах» того или иного фигуранта должна храниться в одном месте, чтобы при случае не тратить время на поиски его биографии. Яркий пример – поиски казанского бандита Зубарева, убившего в Москве зеленодольского авторитета Галкина. Пока оперативники добывали доказательства его вины в Москве, в Казани он сидел под стражей в течение 30 суток и вышел на свободу буквально за два дня до возвращения искавших его сотрудников.

В результате поиски преступника затянулись ещё на несколько месяцев, а существуй в то время единая база данных, Зубарев отправился бы сразу в следственный изолятор. В МВД ведь как было: часть информации по прегрешениям подростков – в службе по делам несовершеннолетних, по угону транспорта – в одном отделе уголовного розыска, по кражам – в другом. То есть растёт бандит, мужает, совершает сначала мелкие пакости, потом доходит до серьёзных преступлений, а сведений по нему не найти, в единой базе хранятся как максимум решения и приговоры суда.

А нам важно знать гораздо больше. Ведь в уголовном процессе обвинительные приговоры выносятся только основным виновникам, большая часть остаётся за бортом – за недоказанностью. Но информация о том, что, например, Вася Иванов «засветился» по всем делам об убийствах в Приволжском районе Казани с 1993 по 1995 год, многое может прояснить по личности самого Васи.

Много ценных сведений остаётся «на земле» в сейфах оперативников, которые делиться информацией ох как не любят. С одной стороны, чтобы конкурирующее подразделение разработку из-под носа не увело (пресловутые показатели!), с другой – чтобы не допустить утечки, результат которой всегда отрицателен: от исчезновения информатора до возникновения угрозы жизни самому сотруднику.

И мы задались целью – сформировать единую базу данных по криминалу, в том числе по всем группировкам и группировщикам. Легко сказать! И дело даже не в тех объёмах информации, которые предстояло перелопатить, нам пришлось буквально ломать менталитет собственных подчинённых! Ведь для оперативника отдать свою кровь и потом выстраданную «инфу» в общий котёл – это крушение всех основ мировоззрения. В МВД есть ряд подразделений, которые формально не существуют, настолько они засекреченные. Их служебные инструкции прямо запрещают передавать куда-то на сторону добытые сведения. А сотрудники управления по борьбе с оргпреступностью вообще считали, что такой банк данных может существовать только в их подразделении. Но мы на это не пошли: поскольку оперативные учётные БАП – это

такая база, куда можно как внести данные, так и изъять их. Пресловутый же «человеческий фактор» никто не отменял...

Сейчас такие центры оперативно-розыскной информации официально существуют в системе МВД России, а 13 лет назад мы были первопроходцами. Буквально трясли каждое подразделение, выдирая сведения по ОПГ, и добились-таки своего.

Третьим шагом должен был стать сугубо профилактический и в каком-то смысле воспитательный момент. Указ «О чрезвычайных мерах...» к тому времени уже не действовал, но память о нём среди бандитов была очень даже свежа. Они хорошо помнили, как, выйдя на свободу после месячного пребывания в ИВС, могли быть снова водворены туда же буквально на следующий день. А камера не санаторий.

Нужна была мера устрашения для группировщиков. Так и появился «типовой план неотложных мероприятий горрайорганов МВД РТ, проводимых при осложнениях оперативной обстановки по линии организованной преступности под условным наименованием “Гром”».

Этот план вводился в действие по моему решению (либо, в моё отсутствие, по решению первого заместителя) в связи с резким осложнением оперативной обстановки. К такому осложнению относилось поступление информации о готовящихся актах терроризма, вооружённых нападениях, покушениях на жизнь и здоровье работников госвласти, правоохранительных органов, совершение заказных убийств и иных серьёзных преступлений, имеющих отношение к деятельности организованных преступных формирований, и даже информация о только готовящихся разборках с применением оружия. Другими словами, любое открытое проявление деятельности ОПГ сразу же влекло за собой введение этого плана.

Введённый «Гром» – это уже ответ диктатурой закона на беспредел: массовые обыски и задержания, «зачистки» в местах сбора группировок, досмотр автотранспорта на всех постах милиции. Во время «Грома» сотрудники спецподразделений вполне могли прямо в ресторане на глазах у порядочной публики положить на пол десяток-другой группировщиков. Мы «гремели» практически весь конец 1998 и 1999 годы – план вводился шесть раз.

Убийство двух девочек

Есть преступления, раскрытие которых берётся на особый контроль, так называемые «резонансные». В первую очередь это убийства, совершённые с особой жестокостью, особо опасным способом, когда жертва не одна, а несколько... Когда жертвой становятся дети. Первое дело, которое находилось у меня на контроле, мой первый выезд на место обнаружения тела в должности министра пришлось на сентябрь 1998 года.

Двенадцатого сентября в Московском районе Казани пропали две девочки, две подружки 8 и 10 лет. Поиски по соседям, друзьям и знакомым ничего не дали. Никаких зацепок: они ни с кем не ссорились, никуда не собирались, никто не видел подозрительных незнакомцев возле школы или домов, где девочки жили. Сам маршрут от школы до дома – меньше ста метров: окна квартиры одной из пропавших выходили прямо на школьный двор.

В таких случаях нельзя терять ни минуты, и пока остаётся хоть какая-то надежда, мы хватаемся за любые возможности, даже если они кажутся бредовыми. Мало кто знает, но обращение за консультацией к экстрасенсам в милиции – далеко не редкость. Этих специалистов не афишируют, о них не распространяются, тем не менее они в течение многих лет оказывают помощь органам в раскрытии преступлений. Так поступили и в этот раз. Слова экстрасенса не оставили никакой надежды близким: девочки мертвы, причём погибли насильственной смертью. А тела закопаны на школьном стадионе...

Экстрасенс не ошиблась, и 14 сентября на территории школы действительно откопали тело одной из девочек – младшей, восьмилетней Адели. Вторую в тот день так и не нашли

(позже выяснится, что убийца похоронил их в одной яме, но выкопал могилу с боковым ответвлением). И хотя в бытность следователем мне не раз приходилось выезжать на трупы, есть вещи, к которым привыкнуть невозможно. Любой отец, любой нормальный человек меня поймёт.

А по городу ползли слухи один страшнее другого, люди боялись оставлять без присмотра детей. Вся милиция Казани была ориентирована на поиск маньяка, счёт шёл на часы – ведь потерянное время могло привести к новым жертвам. И через три дня напряжённой работы убийцу задержали. Начальник УВД Казани Нургаян Акбаров* доложил мне, что задержан некий Тахир Шадманов, охранник одного из ЧОПов, в прошлом участник боевых действий в горячих точках, дважды судимый. Его приёмная дочь дружила с убитыми девочками, и в день трагедии они были у неё в гостях. Девочки оказались свидетелями ссоры Шадманова с тещей и убийства женщины.

Из показаний Шадманова: «Пока душил тещу, девочки всё плакали, я их прогнал и запер в шкаф. Потом выводил по одной и душил поясом от платья, сначала Люба, потом её подруга Аделя, а потом вышла моя дочь. От убийства дочери отказался, так как она стала плакать и упрашивать меня не убивать её, что она никому не расскажет, и назвала меня первый раз в жизни папой! В это время позвонили в дверь, как оказалось, пришёл сотрудник милиции (родители Адели уже искали девочку...). Я им сказал, что девочки ушли.

Из показаний Д.: «Маме я ничего не сказала, потому что он пообещал убить маму».

Убийца принимал самое активное участие в поисках пропавших, а матери Адели постоянно говорил: «Дай бог найти тебе дочку». У него явно были проблемы с психикой – позже на допросах он какое-то время даже пытался изображать «доктора Лектера» из «Молчания ягнят». Но надолго его не хватило, «посыпался» через два дня...

17 марта 1999 года Верховный суд Республики Татарстан приговорил Тахира Шадманова к пожизненному заключению, с отбыванием первых десяти лет в тюрьме, оставшееся время – в колонии строгого режима. Сейчас он находится в колонии «Полярная сова» в Ямало-Ненецком округе.

Из характеристики: за полгода имеет 12 взысканий, склонен к нападению, побегу, суициду.

Криминальная зараза

Социальные эпидемии действительно существуют. И если нет иммунитета, эта зараза может сожрать человека очень быстро.

Летом 1998 года в своей квартире на улице Мусина был найден мёртвым Айнур Муниров, сын хозяина сети продуктовых магазинов в Кукморе. Из квартиры также пропала крупная сумма денег, которую в тот день привозил менеджер одного из магазинов Артур Иванов. А через несколько дней бесследно исчез и сам Артур – сотрудники милиции нашли только его обгоревшую машину на берегу лесного озера в Кукморском районе.

Оба факта связали между собой, появилась и зацепка: масса свидетелей видели, как в день исчезновения возле дома Иванова несколько часов дежурили двое мужчин. Более того, соседи опознали в одном из них своего земляка, молодого милиционера Рушана Сафина. По описанию второго выходило, что рядом с Сафиным находился бывший начальник отдела уголовного розыска отдела милиции «Воровского» Наиль Садыков.

Раскручивая цепочку событий, оперативники выяснили, что Муниров-старший подозревал в убийстве сына именно Иванова, ведь тот долгое время привозил Айнуру в Казань деньги

от отца. Чтобы отомстить, Муниров решил пойти на убийство. Он нашёл Наиля Садыкова, отстранённого на тот момент от работы по несоответствию занимаемой должности, и за 10 тысяч предложил ему расправиться с убийцей сына. Садыков взял в долю Сафина, новичка, только что пришедшего в отдел милиции после института (Сафин был родом из Кукмора и знал, где находится дом Иванова).

В день убийства сотрудники милиции дождались, когда Артур подъедет к дому, представились ему и, затолкав обратно в машину, вывезли в ближайшую лесопосадку к озеру. Там они долго избивали жертву, после чего, привязав к телу камни, утопили в озере. Машину убитого сожгли здесь же на берегу. За исполнение заказа, как и было обещано, убийцы получили 10 тысяч рублей (почти годовая зарплата рядового сотрудника по тем временам).

Преступление раскрыли за несколько дней, убийц задержали. Но лично меня больше всего поразил тот факт, что молоденький оперативник, приехав домой в Кукмор, угощал всех друзей и соседей... мороженым!

Эта мороженка, это детское желание порадовать окружающих (между прочим, прекрасно знавших убитого им человека) не давали мне покоя! Я даже спускался в изолятор, чтобы поговорить с пацаном, в глаза ему посмотреть – хотел для себя понять что-то... Ничего я так и не понял: парень как парень, на негодя не похож. Разговора тоже не получилось – всю беседу он молчал, опустив глаза.

Мунирова и Садыкова суд приговорил к 17 годам лишения свободы, молодой оперативник Сафин получил 15 лет. Уже в ходе следствия Муниров-старший узнал, что убийство сына действительно совершили его сотрудники, но покойный Артур не имел к этому никакого отношения. Убийцами оказались магазинные грузчики, узнавшие о передаваемых деньгах.

* * *

В августе 1998 года пришла информация о причастности участников ОПГ «Теплоконтроль» к совершению серии заказных убийств и вымогательств. (После знаменитого «Тяп-ляпа» группировка уже никогда больше не лидировала в криминальном мире, но преступный шлейф за ней продолжал тянуться.) Удалось доказать несколько убийств, по делу проходили 14 человек, четверо организаторов получили сроки от 8 до 21 года лишения свободы. В общем-то рутинная работа для оперативников, если бы не одно «но». Основные фигуранты, получившие 20 и 21 год лишения свободы, – бывший водитель уголовного розыска и бывший спецназовец, которые для одного из убийств привлекли действующего сотрудника милиции.

Бывший гаишник и действующий сотрудник ДПС на частной машине в милицейской форме с автоматами пасли «заказанного», члена той же группировки, что и заказчики, целый месяц, чтобы выкрасть и убить. Когда представился случай, «гаишники» остановили его машину и под предлогом того, что она числится в розыске, потребовали проехать в отделение милиции. На жертву надели наручники и вывезли в лесопосадку на «Ферму-2», где уже ждали заказчики, а потом забили до смерти...

Я постоянно задаюсь этим вопросом: как люди, призванные защищать закон, идут на совершение преступления? Каким образом происходит этот вывих в мозгах? Ещё можно понять получение взяток, какие-то должностные преступления – это объяснимо. Но когда идут на чистый криминал, это в моей голове уже не укладывается. Почему, по какой причине это происходит? К сожалению, ответ: «Потому что». Нет объяснений. Происходит, и всё.

И, по-моему, абсолютно бессмысленно эти факты отрицать, хотя система наша до сих пор бьёт тех, кто их обнаружит. И это не только МВД касается, кстати. Если в больнице перепутали флаконы с лекарством для новорождённых, но никто об этом не узнал, слух так и останется слухом. Но стоит главврачу собрать пресс-конференцию, как больница покрывает себя дурной

славой. Если директор школы сообщит в СМИ, что его ученики покупают наркотики, школа навсегда попадёт в чёрный список.

В 1999 году на коллегии МВД России в докладе министра Сергея Степашина как раз и прозвучало: «До того мы докатились с вами, коллеги, – в Татарстане оперативники совершают заказные убийства». А ведь мне один из руководителей департамента уголовного розыска советовал: «Уволь задним числом, чтобы не было пятна на весь доблестный уголовный розыск». Я ответил: «Нет, задним числом увольнять никого не буду. Пусть всё проходит показательно, с треском, с позором, чтобы никому не повадно было – мне нужно в своих рядах наводить порядок». И попал в доклад министра...

Но на этом страшные открытия не закончились. В начале 1999 года выявился совершенно чудовищный факт. Сотрудник казанского подразделения четвёртого отдела МВД России Александр Абакумов оказался виновным в тройном убийстве – от его рук погибла целая семья: предприниматель, его жена и их пятилетняя дочь. Убил из-за денег – погибшие собирались купить квартиру.

Соучастником по делу проходил уголовник Фарит Сафиуллин, в своё время отсидевший по нашумевшему делу банды Чекиста. Неизвестно, когда они познакомились, но уже в начале 90-х на зоне бандита навещал майор Абакумов. Сафиуллин с подружкой и стали соучастниками преступления.

В ходе следствия выяснилась ещё одна зловещая деталь: Абакумов оказался убийцей собственного брата – позавидовал, что родители завещали тому квартиру. Старенькие родители до последнего не верили в его виновность и, пока шло расследование, носили ему передачи, а потом приходили на все судебные заседания.

19 июля 2000 года Абакумов был приговорён к пожизненному заключению, его подельники – к 20 и 15 годам лишения свободы.

Сейчас бывший сотрудник милиции Александр Абакумов отбывает срок в колонии особого режима «Чёрный дельфин» в Соль-Илецке (Оренбургская область). Здесь сидят самые отъявленные негодяи: серийные насильники и убийцы, террористы. Один из наиболее известных заключённых колонии – чеченский террорист Салаудин Темирбулатов, известный под кличкой Тракторист. Из татарстанцев сроки в колонии отбывают лидер казанского оргпреступного сообщества «Хади Такташ» Радик Галиакберов (Раджа) и коллега Раджи по группировке бригадир киллеров Ринат Фахрутдинов (Ринтик).

В камере размером три на четыре метра находятся стол, две двухъярусные «шконки», умывальник и унитаз. В течение дня осуждённые могут сидеть лишь на трёх прикрученных к полу железных табуретках (так что один из обитателей камеры всегда стоит), в противном случае их ждёт строгое наказание. При появлении конвоира заключённые закрывают глаза, открывают рот и, наклонившись, выворачивают руки за спину. После чего по команде один за другим скороговоркой докладывают, кто за что сидит и сколько убил человек. На прогулку во двор колонии заключённых выводят лишь с завязанными глазами.

Кадровая политика

Я сделал для себя вывод: необходимо срочно что-то менять в кадровой политике. И мы стали делать первые шаги, выстраивать систему. Ведь система чем хороша? Ты знаешь, какой будет реакция на то или иное действие, всё предсказуемо, всё можно просчитать. Граждане СССР были достаточно счастливыми людьми, невзирая на маленькие зарплаты, дефицит и «железный занавес», именно в силу того, что точно знали, что будет завтра, и послезавтра, и послепослезавтра. А «лихие 90-е» бросили всех на произвол судьбы, заставив каждого выживать самостоятельно. И самостоятельно определять, что хорошо, а что плохо.

Я не исключаю, что кого-то может толкнуть на преступление извращённое понимание справедливости. Милиционер, посчитавший, что вправе карать и миловать, вполне способен сам вынести приговор. Наказать преступника – это же справедливо, разве нет? Избить до полусмерти педофила, замордовать в своём кабинете убийцу... Профессиональная деформация – страшная вещь, человек меняется постепенно, незаметно для себя. Но есть предел, вернуться из-за которого уже невозможно.

Не случайно мы первыми в России создали подразделение психологической службы, в порядке эксперимента. Управление исполнения наказаний входило в то время в состав МВД, и оттуда мы взяли специалиста, Ольгу Ажимову, которая впоследствии 13 лет возглавляла подразделение психологического обеспечения МВД. Именно она убедила нас, что психологи нужны во всех подразделениях министерства, что есть «усталость металла», что люди нуждаются в психофизиологической релаксации, особенно оперативники, сотрудники спецподразделений, дорожной службы. Металл имеет свойство ломаться, что уж говорить о людях.

Ещё одним шагом стали личные поручительства (которые сейчас, много лет спустя, взяли на вооружение в МВД России). Плюс предоставление деклараций о доходах и списков собственности от всех руководителей центрального аппарата. Не то чтобы я подозревал всех в коррумпированности, но посмотреть, «кто есть ху», посчитал для себя нужным.

У нас бюрократический менталитет, нравится нам, не нравится, но это факт. Если хочешь, чтобы что-то сдвинулось с мёртвой точки, на любое действие необходим ускоритель в виде документа. Можно сорвать себе горло, отчитывая подчинённых лично, по телефону, на совещаниях, но пока слова останутся словами, толку всё равно не будет. А вот появится соответствующая бумажка, директива – и процесс пошёл. Так родились «Основные направления совершенствования деятельности органов внутренних дел РТ».

На самом деле мы не придумали ничего нового: снижение количества преступлений, борьба с оргпреступностью, вдумчивая кадровая политика, повышение действенности милиции общественной безопасности. Однако наличие документа (решение июльской коллегии МВД 1998 года) уже позволяло требовать отчётов об исполнении, реальных результатов.

Любая системность предполагает строгий учёт и контроль. Правил воспитания и дрессировки – кнут и пряник – тоже никто не отменял. И самые простые правила оказываются самыми действенными. Хорошо отработал – получи поощрение, наломал дров – прими наказание и сделай выводы.

Но также я всегда считал (и продолжаю так думать), что хорошие специалисты – товар штучный, поэтому старался по максимуму поддерживать, выращивать и переманивать на работу профессионалов. Я вернул в МВД нескольких сотрудников УБОП, уволившихся после ухода Хамматова (один из них, Георгий Балясников, возглавил УБОП), пригласил Казимира Новикова. Пусть Казимир Николаевич в силу возраста уже не подлежал аттестации, но он делился с молодёжью своим опытом оперативной работы в качестве председателя Совета ветеранов МВД. Не отказались занять должности моих советников бывший министр внутренних дел ТАССР генерал Сергей Кирилов* и ветеран уголовного розыска Дилюс Минуллин. О каждом из этих людей можно написать многотомные романы, но мне хочется привести один забавный факт из биографии Минуллина. В своё время он разоблачил группу квартирных воров, благодаря... игре в шахматы.

Главарь одной из шакк квартирных воров давно был на примете у оперативников, и после особенно дерзкой кражи его задержали. Но за трое суток, установленных законом для предъявления обвинения, прямых доказательств его причастности к преступлениям так и не нашли. Тогда Минуллин, узнав, что жулик хорошо играет в шахматы и даже имеет первый разряд, предложил ему шахматный матч. «Давайте, – говорит, – сыграем. Если выиграете вы, то отпущу на свободу, а если я – обещайте во всём честно признаться и рассказать, куда дели краденое». Вор страшно обрадовался, решив, что мигом обыграет «мента». Но не тут-то было.

В трёх партиях подряд майор милиции поставил ему мат, и побеждённый слово сдержал – рассказал о кражах и где ворованные вещи хранятся. Преступная группа прекратила своё существование, а количество краж в городе после этого сократилось вдвое.

Я уговорил прийти в МВД нескольких десятков высококлассных специалистов, но даже самый талантливый и способный коллектив не может на 100 процентов состоять из гениев и трудолюбивых. По закону больших чисел из 50 тысяч сотрудников (тогда в МВД входили ещё и УИН* и УГПС*) обязательно найдутся десяток-другой бездельников и лоботрясов. Смена руководства всегда вызывает брожение среди личного состава, людям кажется, что наступило безвластие: пока там ещё новый руководитель разберётся что к чему. И здесь главное – не дать никому возможности расслабиться.

Вначале я много ходил по райотделам. Во-первых, мне не хватало информации: всё же давал о себе знать большой перерыв в работе, это нужно было восполнять – что-то вспомнить, что-то понять. Во-вторых, хотелось в глаза людям посмотреть, познакомиться с личным составом. Ну и конечно увидеть в рабочей обстановке руководителей. Сразу же видно, кто на работу нацелен, у кого глаза горят, а кто время отбывает. Кроме того, я намечал для себя перспективных сотрудников. Так, например, нынешнего начальника управления по работе с личным составом Эдуарда Усманова я заметил, когда заходил в УВО. И таких решений было много...

Но я мог прийти и внезапно – ночью, например, проверить работу в подразделениях. Бывало, что не узнавали, бывало, что сотрудник на посту находился вдребезги пьяным – среди бела дня, между прочим. Приезжаешь – а он ни в зуб ногой. Ух и разносы я устраивал... Пока мой хороший друг Руслан Аушев* не сказал: «Слушай, сколько можно? Ну приехал ты, наподавал там всем, думаешь, это хорошо? У тебя, что, нет подчинённых? Некому ходить по райотделам и поддавать каждому по своей линии? Ты ведь о себе создаёшь негативное мнение тем, что вынужден сам лично приезжать и материть, наказывать, снимать... Бояться-то будут, конечно, но не значит, что будут уважать. Ты лучше подумай: а может, что-то можешь им дать? У них ведь того, другого не хватает. Если можешь в каждый свой приезд принять какие-то решения, чем-то помочь – помоги! Каждый визит министра должен быть праздником для подразделения: МИНИСТР приехал! Денег дал, проблемы снял».

И теперь, когда я выезжаю в подразделения, всегда планирую, какую помощь центральный аппарат может им оказать. Что же до того, чтобы раздавать «на орехи» рядовым сотрудникам лично... Как говорят в сельском хозяйстве, плох тот председатель колхоза, который сам раздаёт наряды. Для этого есть бригадиры. У нас же сегодня слишком много руководителей, которые не сознают своего предназначения, берут на себя полномочия, предназначенные для среднего звена, и, к сожалению, звено это слабое, очень слабое.

Хотя периодические «хождения в народ» всё-таки нужны. Чтобы «глаз не замыливался», чтобы застоя в работе не было, чтобы оставаться в курсе всего происходящего.

1998 год вообще был достаточно непростым. Когда я возглавил МВД, доля взаимозачётов ведомства составляла 70 процентов, а дебиторская задолженность превышала 30 процентов! И тут уже я пригласил на работу Андрея Рябова, с его знаниями и пониманием рыночных процессов. Через три года мы перешли на финансирование только денежными средствами, а дебиторская задолженность уже много лет не превышает десятых долей процента.

Проблем и вопросов в материально-техническом плане было гораздо больше, чем ответов. Нехватка средств на элементарные нужды – ремонт техники, горючее, командировки...

Люди выезжали в другие города на задержание преступника за собственный счёт, а потом месяцами ждали, когда им возместят затраты! Половина зданий РОВД – дряхлые сараи, поликлиника – рушащееся здание позапрошлого века, в очереди на жильё – тысячи сотрудников! Нет, прежнее руководство не оставалось равнодушным к нуждам личного состава, и делалось для людей очень много, но это был конец 90-х, итог «смутного» десятилетия, десятилетия разрухи.

И, кстати, начало лета 1998 года – это ещё «цветочки». Несмотря на все прорехи в бюджете, зарплата сотрудников более-менее соответствовала тогдашним требованиям. Доллар стоил шесть рублей, наконец-то стал образовываться средний класс, к которому и сотрудники милиции с некоторой натяжкой могли себя относить. Милиционеры стали ездить на отдых за границу, покупать машины, почувствовали себя людьми в кои-то веки... И тут грянул кризис августа 98-го! 90 процентов населения страны оказались за гранью нищеты в прямом смысле слова, в том числе и сотрудники милиции, чьи зарплаты в долларовом эквиваленте упали в пять раз.

Газеты запестрели заголовками: «Накроет ли нас волна преступности?» Резко возросло количество имущественных преступлений... Народ пребывал в растерянности, по стране прокатилась волна самоубийств.

Людей надо было поддержать материально, и я обратился с просьбой к правительству республики сделать доплату для всех сотрудников милиции. Премьер-министр республики Рустам Минниханов* пошёл нам навстречу, и каждый милиционер Татарстана в течение полутора лет получал ежемесячную доплату в 200 рублей. При средней зарплате около тысячи рублей эта 20-процентная прибавка была более чем весомой.

Шоковая терапия

Считается, что на новом месте требуется 100 дней, чтобы войти в курс дела. На посту министра к концу 1998 года я пробыл в два раза дольше, но всё ещё не имел на руках стопроцентно объективной картины. Мне требовались реальные учёты, реальная обстановка, реальные доклады. А их не было.

Пресловутая «палочная система» – это самый примитивный способ оценки работы и конкретного сотрудника, и целого подразделения. Совсем отказаться от него нельзя: люди начнут откровенно бездельничать, но и действенным его не назовёшь – слишком часто с внутриведомственной статистикой пытаются мухлевать. Плохо, когда преступность растёт, плохо, когда снижается процент раскрытия преступлений, – можно получить нагоняй. Но и слишком высываться тоже нехорошо, иначе на следующий год тяжело будет самому с собой соревноваться. Вот и пытаются руководители держать подразделение в «среднячках» – не принимают заявления от граждан, выдают насильственные смерти за несчастные случаи, ну и, конечно, занимаются приписками.

Я прекрасно понимал, что многие просто боялись показывать настоящую ситуацию, опасаясь за свои должности, и дал всем карт-бланш: полгода на то, чтобы «почистить» статистику. К началу 1999 года мне нужны были абсолютно реальные учёты.

К сожалению, меня не поняли. Масштабная проверка, проведённая во втором полугодии во всех подразделениях, показала, что имеет место массовое искажение отчётности. Из одного раскрытого преступления делали по три-четыре (рекордным стал случай хулиганства, «раскрытый» девять раз). Выявились факты необоснованного отказа в возбуждении почти тысячи уголовных дел и сокрытия многих преступлений. А одной из причин низкой раскрываемости называли... ужесточение прокурорского надзора.

Из почти 53 тысяч совершённых преступлений каждое второе относилось к категории тяжких и особо тяжких. При этом в условиях финансового кризиса 1998 года, в условиях роста имущественных преступлений общий рост количества преступлений составил всего 7 процентов. Этого просто не могло быть!

И я принял решение. Потом его называли беспрецедентным, неожиданным... По решению коллегии впервые за всю историю органов внутренних дел республики были освобождены от занимаемой должности 12 руководителей подразделений МВД и горрайорганов.

Возможно, сейчас бы я поступил по-другому, не рубил так жёстко, но в то время я считал, что необходимо сделать именно так. У меня было горячее желание поменять ситуацию в корне, навести порядок раз и навсегда, одномоментно. И я взял на себя такую ответственность.

Из решения коллегии МВД РТ от 22 января 1999 года: «Считать неудовлетворительной работу органов внутренних дел республики по выявлению преступлений в сфере экономики, по борьбе с организованной преступностью, по предупреждению и организации раскрытия умышленных убийств, в том числе с применением огнестрельного оружия, тяжких имущественных преступлений, а также работу с кадрами».

Краткие итоги 1998 года:

Общее количество совершённых преступлений – **52 963**.

Тяжких и особо тяжких – **30 193**.

Убийств – **613**.

Раскрыто преступлений – **37 000**.

Выявлено и раскрыто **500 преступлений**, совершённых членами организованных преступных формирований, в том числе **2 факта** организации преступного сообщества и участия в нём.

Данные опроса, проведённого Центром экономических и социальных исследований при Кабинете министров республики в октябре 1998 года:

- состояние преступности назвали значимой проблемой **33 процента** опрошенных;
- состояние общественной безопасности назвали удовлетворительным 28 процентов;
- неудовлетворительным – 55 процентов.

1999-й. Наводим порядок в учётах

Итак, 1999 год мы определили для себя как год борьбы за чистоту статистики. Я видел главной задачей сделать так, чтобы для всех (и сотрудников ОВД, и руководства республики, и населения) обстановка в МВД была абсолютно реальной и прозрачной.

Статистика, вообще-то, наука лукавая. Любые цифры имеют смысл только в сравнении, как в старой шутке: десять волос – это много или мало? Если на голове, то мало, а если в тарелке супа, то очень даже много.

Сложносочинённая внутриведомственная система, по которой определяются лучшие подразделения, сравниваются результаты и подводятся итоги, всегда вызывала много споров (единого мнения, кстати, нет до сих пор). Взять, например, сравнение показателей с аналогичными периодами прошлого года и определение так называемой динамики. Допустим, в каком-то регионе из 1000 грабежей за год раскрыто только 30 процентов – на первый взгляд маловато. Но если сравнить с прошлым годом, когда их раскрыли не 30, а 20 процентов, налицо положительная динамика, причём с огромным ростом: в полтора раза, на 150 процентов! А в соседней области, например, тех же грабежей раскрыто 60 процентов (в два раза лучше сработали), но хуже в сравнении с самими собой – ведь в прошлом году раскрытий у них было 70 процентов. Итог: первый регион – молодцы, а второй попадёт под удар критики, показатели-то снизились.

Или другой момент. Для обывателя любое действие, в результате которого погиб человек, – это убийство. Но в нашей статистике такое преступление может проходить сразу по нескольким учётам: убийство, убийство по неосторожности, причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее смерть потерпевшего (если человек после ранения ещё какое-то время жил), даже хулиганство. Обширнейшее поле для манипуляций!

Мы считаем, что пик количества убийств в Татарстане пришёлся на 99-й год, когда их было зарегистрировано 690, а фактов причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом – 193. В общей сложности в тот год от рук преступников погибли 883 человека.

Но в 95-м году таких фактов было больше тысячи (651 убийство и 403 смерти по причине ПТВЗ²). И если разобраться по существу, получается, что самым проблемным был как раз 95-й...

Но так или иначе порядок нужно было наводить глобальным, системным образом. И решением коллегии МВД мы определили следующие шаги:

- регулярные проверки дежурных частей с ежемесячным анализом их работы;
- приведение в строгое соответствие учёта и регистрации преступлений;
- разработка программы автоматического контроля достоверности вводимой в общий массив данных информации;
- создание локальной сети МВД для всех подразделений МВД и райотделов с возможностью открытого доступа к статистической информации.

Необходимо было внедрять новые технологии, уходить от пресловутого человеческого фактора. Мы первыми в России начали автоматизацию систем учётов. До нас в конце каждого месяца учётные карточки из районов привозили в информационный центр МВД в папках и чемоданах. Каменный век!

² ПТВЗ – причинение тяжкого вреда здоровью. – Примеч. ред.

Верховный суд РТ приговорил полковника милиции к 4 годам лишения свободы

Отстранение от должности 12 руководителей (многие из которых являлись по-своему неплохими специалистами) было мерой жёсткой, но всё-таки необходимой. Эволюция – процесс гармоничный, но слишком долгий, а у нас не было времени на перевоспитание и убеждение. Требовалась революция, ломка и готовность личного состава эти новшества принять. (Хотя мы и по сей день ещё не смогли полностью переломить ситуацию. Да это и невозможно, пока у нас будут существовать неэффективные критерии оценки, пока останется «палочная» система. Кроме того, природа человеческая так устроена, что она всегда ищет наилегчайший путь к достижению цели. От этого никуда не денешься, какие ни поставишь препоны, человеческую психологию не изменить. Поэтому существуют только два пути: либо сделать так, чтобы сотрудник очень боялся, либо – чтобы просто не имел никакой возможности увильнуть и понимал, что может и должности лишиться, и гораздо большего...)

К сожалению, только спустя время я понял, что наказание, даже самое суровое, – это не решение, а всего лишь мера дисциплинарного воздействия. Одна из многих, которые, если ты чего-то хочешь добиться, надо умело применять. Таких мер много, в том числе и мотивация, и стимулирование: награждение, решение социально-бытовых вопросов, другие формы поощрения.

Из решения коллегии МВД от 22 января 1999 года:

- провести внеочередную аттестацию начальников горрайорганов внутренних дел республики и их заместителей;
- разработать систему мер морального и материального стимулирования личного состава;
- при выдвижении сотрудников на вышестоящие должности обеспечить обязательное психологическое тестирование.

Руководитель отвечает за своих подчинённых во всех смыслах. Всё, что делают сотрудники – плохое ли, хорошее ли, – сказывается на его репутации, и невозможно быть нормальным командиром, воспринимая своих бойцов как посторонних. Или работоспособная команда, где каждый чувствует свою ответственность за конечный результат, или ни на что не годный сброд индивидуалистов, третьего не дано.

Есть ещё один отличительный признак команды: своих не бросать. Отстранение руководителей на самом деле не означало их увольнения. Кто-то действительно ушёл из органов, не справившись с задетым самолюбием, а кто-то перешёл на другие должности, с меньшим уровнем ответственности, меньшим объёмом работы. Они остались в команде, что достойно уважения.

Но кое у кого, видимо, были свои личные причины оставаться в органах. Бывший начальник одного РУВД Казани, ставший после отстранения от должности заместителем начальника соседнего РУВД, оказался замешан в, мягко говоря, некрасивой истории. Проверка МВД в его бывшем хозяйстве вскрыла самые настоящие преступления.

Преступление одного человека ложится пятном на всю систему в целом. Если в одном райотделе избили задержанного, а в другом сотрудника поймали на взятке, для общества мы все становимся взяточниками и отморозками. Поэтому, когда в отношении сотрудника МВД возбуждается уголовное дело, это рассматривается как ЧП.

Я ввёл в практику подробное разбирательство по каждому такому случаю с участием Управления собственной безопасности, юристов МВД и инспекции по личному составу. С

одной стороны, милиционеры часто подвергаются ложным обвинениям (так защищается криминалитет). Поэтому любой, кто стал жертвой клеветы, должен знать, что система его не предаст, а будет поддерживать всеми силами. За сержанта-первогодка мы будем бороться точно так же, как и за руководителя высшего звена с 20 годами выслуги. (Я ввёл практику предоставления правовой защиты сотрудникам, привлекавшимся к уголовной ответственности без достаточных, с нашей точки зрения, оснований. МВД заключает договоры с коллегией адвокатов, а те оказывают помощь нашим сотрудникам. И только за первые три года подобной практики из 69 уголовных дел в отношении милиционеров 36 были прекращены по реабилитирующим основаниям, а в трёх случаях суд вынес оправдательный приговор.)

С другой стороны, и предатели службы должны понимать, что, опозорив себя и коллектив, будут отвечать по полной программе, невзирая на чины, звания и прежние заслуги. Ильдусу Гумарову предъявили обвинение в злоупотреблении служебным положением, получении взяток и хищениях. Обвинений было много: вымогательства «спонсорской» помощи якобы для нужд управления, решение личных вопросов за чужой счёт, но лично меня возмутил факт пропажи трёх тонн изъятого сливочного масла стоимостью 100 тысяч рублей. Он просто отправил масло на продажу через магазин знакомых. Я напому: история 99-го года, спустя несколько месяцев после дефолта, на эти деньги можно было купить полквартиры.

И ладно бы вырученные деньги Гумаров потратил на нужды РУВД – тогда ещё можно было бы ограничиться строгим наказанием и просто уволить с треском (хотя и такой поступок тоже подсудное дело). Нет, он просто положил деньги в карман, без зазрения совести.

В итоге суд приговорил полковника милиции к четырём годам заключения в колонии общего режима. А для меня по-прежнему загадка: такая наглость (кстати, довольно распространённая) – она от глупости или от уверенности в безнаказанности?

Борьба с наркотиками

Как связаны между собой алкоголизм, наркомания и преступность, объяснять не нужно никому. Ещё в 1998 году по нашей инициативе Кабмин республики принял решение о создании межведомственной правительственной комиссии, которую поручили возглавить мне. В её состав вошли представители всех силовых структур, а также Минздрава, Министерства образования, Комитета по делам детей и молодёжи.

А в мае 1999 года Госсовет Татарстана утвердил разработанную нами «Комплексную программу противодействия злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту в Республике Татарстан на 1999–2001 годы».

Контроль за исполнением программы возложили на МВД как государственного заказчика и координатора. Скажу только, что за 2 года из бюджета республики на укрепление материально-технической базы наркологической службы, усиление антинаркотической пропаганды, проведение социологических исследований и приобретение необходимого оборудования для оперативных и экспертных подразделений МВД РТ было выделено более 100 миллионов рублей.

В нашем государстве со времён Петра I инициатива распространяется сверху вниз, так что принятие комплексной программы в масштабах республики инициировало принятие во всех городах и районах Татарстана локальных антинаркотических программ, подкреплённых финансированием на местном уровне.

С подачи МВД в декабре 1999 года Президентом Татарстана был подписан республиканский Закон «Об административной ответственности за правонарушения, связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами», который вступил в действие 7 января 2000 года.

Чем выше стоимость жизни, тем ниже её ценность

1999 год стал поистине рекордным по зарегистрированному количеству преступлений – более 72 тысяч! Конечно, свою роль здесь сыграло ужесточение контроля за учётами и статистикой, но были и другие причины. Давало знать о себе эхо августовского кризиса: количество имущественных преступлений выросло в полтора раза. Неудивительно – ведь люди в среднем обеднели в пять раз. И вот трагический парадокс: чем выше стоимость жизни, тем ниже её собственная ценность – именно в 1999 году было зафиксировано самое большое количество убийств за всю историю Татарстана в мирное время. Большинство – бессмысленно жестоких.

7 октября в посёлке Русский Акташ пропала шестилетняя девочка. На следующий день в посёлке Лаишево не вернулась из школы домой ещё одна девочка, второклассница местной школы. И снова версии – несчастный случай? Насилие? Есть связь между фактами или нет? В республике действует маньяк?

Тело восьмилетней Ксюши нашли 9 октября. Кто-то долго мучил малышку, а потом привязал к её ногам кирпичи и ещё живую утопил в резервуаре заброшенных очистных сооружений.

Раскрытие подобных преступлений не просто ставится на особый контроль, это – дело чести. Оперативники не будут нормально есть и спать, пока не найдут убийцу. Нашли и в этот раз – пятерых мальчишек в возрасте двенадцати и тринадцати лет! Сотрудники, осматривая тело девочки, сразу обратили внимание, что её ножки были не просто связаны, а перевязаны шнурком с чужой кроссовки и закреплены бантиком. Как только увидели этот бантик, тут же стало ясно: преступление совершили дети.

Не прошло и суток, как малолетние убийцы давали показания в кабинете следователя. Они даже не особо запирались, только валили всё друг на друга. Выяснилось, что Ксюшу убили по большому счёту от... скуки. Играли после школы в лесопосадке, девочка шла мимо в недобрый час, её заметили и решили позабавиться. Обыкновенный садизм того же рода, когда до смерти замучивают кошек и собак. А после кошечек обязательно хочется попробовать на живом человеке.

Девочка из Русского Акташа, пропавшая днём раньше, тоже стала жертвой убийства и насилия. Убийцей оказался 47-летний токарь местного совхоза Марханов, имеющий уже шесть судимостей. И снова дело было не в маньяке...

Выродки живут среди нас, так было всегда. Но одно дело – рецидивист, подонок, на котором клеймо негде ставить, и совсем другое – дети-выродки. И убийцы, и жертва учились в одной школе, их дома стоят по соседству, родители преступников на тот момент занимали немалые посты в местной администрации. Лаишево буквально взорвалось после этого дикого случая, ведь по малолетству преступников нельзя было ни арестовать, ни просто привлечь к уголовной ответственности! Одна мысль о том, что они как ни в чём не бывало продолжают ходить по тем же улицам, встречаться глазами с родителями убитой ими девочки, сводила людей с ума. Ситуация была близка к самосуду.

Всё же по решению суда подростков определили в открывшуюся к тому времени спецшколу для детей с девиантным поведением. С тех пор прошло двенадцать лет, убийцы давно вышли на свободу и давно перестали быть малолетними. Не так давно один из них – основной зачинщик – даже мелькнул в какой-то из криминальных передач. Хлопая девчачьими ресницами и строя глазки в объектив, он сокрушался, что на него, видите ли, до сих пор показывают пальцем и не дают забыть о «плохом». Вот уж действительно беда, как не пожалеть такого!

Я не верю в раскаяние негодяев, какого бы возраста и пола они ни были. Спонтанное убийство, в пылу ссоры, в состоянии аффекта – это ещё можно объяснить и искупить. Но злодейство обдуманное и целенаправленное – это уже не случайность, а цель и потребность

преступника, слепок его личности, если хотите. Никогда не сможет человек изменить свою личность и стать сильнее своего прошлого.

И если уж нет в нашем государстве смертной казни, необходимо сделать так, чтобы злодеи были изолированы от общества навсегда, а не на время. Слишком уж неравны условия совместного проживания хищников и нормальных людей.

Выстрелы в «Мельнице»

На фоне роста спонтанных убийств росло и количество убийств заказных. Киллеры как с цепи сорвались – был день, когда Ренату Тимерзянову трижды (!) пришлось выезжать на «огнестрел», и все три убийства были заказными. Между бандитами шла самая настоящая война, и конкурентов убивали как врагов на фронте. Мы же в тот момент действовали как пожарная команда: тушили огонь по месту, без системности, без задела на будущее.

При этом у нас уже имелся определённый расклад по расстановке сил и «политических векторов» среди ОПГ. Альянсы, союзы, приоритеты и авторитеты. Проблема в одном: с кого начать? Сил на уничтожение всех и сразу на тот момент просто не было. Решили «рубить» тех, кто выше всех задирает голову.

А наглость бандитов дошла уже до предела: в Челнах устроили стрельбу прямо в центре города – в ресторане «Мельница». 20 октября 1999 года челнинцы, пришедшие отдохнуть в развлекательный центр «Мельница», запомнили на всю оставшуюся жизнь. Мирное течение вечера прервали крики: «Никому не двигаться, всем оставаться на местах, всем руки на стол!» В зал ресторана ворвались двое мужчин с пистолетами и гранатами в руках. Один держал под прицелом людей за столиками, другой побежал в кабинет директора. Раздались выстрелы: от пуль убийцы погиб и сам хозяин, и его телохранитель. Всё заняло буквально пару минут, после чего налётчики, выкрутив руки двум официанткам, захватили их с собой в качестве заложниц и умчались на джипе убитого. Был введён план «Перехват», по всем постам пошла ориентировка о двойном убийстве и захвате заложников. В этом случае каждый сотрудник милиции знает, где ему быть и что делать, – все действия расписаны досконально. Город делится на секторы, и экипажи начинают прочёсывать свои участки.

«Мельница» находится в поселке ГЭС, в старой части города. Один из экипажей челнинского БОР находился в этот момент как раз на перекрёстке между Старым и Новым городом, а водитель экипажа вспомнил, что во дворе своего дома часто видел джип, по описанию похожий на разыскиваемый. Интуиция ребят не подвела, в адресе действительно стоял внедорожник, подходящий под описание.

Боровцы сообщили о находке по рации, попросили поддержки, а сами тем временем перекрыли своим «уазиком» выезд со двора. Разглядеть, что происходит в машине, было невозможно из-за тонированных стёкол, нельзя было и действовать агрессивно: могло оказаться, что джип принадлежит законопослушным гражданам, не имеющим отношения к стрельбе в ресторане. Подёргали дверцы машины – заперты, и тут взревел мотор внедорожника. Сотрудники сразу навели на колёса автоматы – так, чтобы из джипа было хорошо видно их движение, и тогда со стороны водителя началась стрельба. Старший экипажа Сергей Оводков был ранен в руку, но сумел прострелить колёса, пока один из бойцов, Азат Ахмадишин, вёл прицельный огонь по бандитам. Осыпалось лобовое стекло, и боровцы увидели, что водитель лежит на руле, а весь салон забрызган его кровью. Второй бандит был жив и с гранатой в руках, крича что-то вроде: «Сейчас все ляжем!», попытался сбежать, но тут же был повален на землю и обезврежен. Девушки не пострадали, хотя с ними и случилась истерика.

Личности бандитов установили: убитый Шахметов имел судимость за сбыт наркотиков и уже был конченным наркоманом, а второй, Галеев, числился в криминальном мире профессиональным киллером.

Старший экипажа БОРа ППС УВД Набережных Челнов Сергей Оводков был награждён орденом Мужества, Азат Ахмадишин – медалью «За отвагу».

Эхо «казанского феномена»

К концу 90-х годов перерождение уличных группировок в преступные сообщества полностью завершилось и массовые драки практически сошли на нет. Тем не менее эксцессы время от времени случались.

В октябре 1999 года в Буинске произошли массовые беспорядки, в которых участвовало более 150 человек в возрасте от 15 лет и старше. Вооружённые цепями, кусками железной арматуры и палками, они намеревались устроить драку с представителями противоборствующей группировки – отомстить за избиение одного из своих товарищей.

Возле районного Дома культуры толпу встретил наряд милиции из 8 человек. Уговоры разойтись возымели обратное действие – толпа кинулась на милиционеров, в результате три оперативника и заместитель начальника райотдела получили тяжёлые ранения. Были разбиты три милицейские машины. Нападавших удалось разогнать только выстрелами в воздух.

Подобные проступки никогда, ни за что и никому спускать нельзя. Поднявший руку на милиционера при исполнении должен быть наказан в назидание всем другим. Несмотря на то что в беспорядках участвовало больше сотни человек, зачинщиков удалось вычислить довольно быстро и в сентябре 2000 года девять человек были приговорены районным судом к различным срокам. Все осуждённые являлись членами организованной преступной группировки. Четверо получили по 4 года лишения свободы, ещё один получил 1 год, остальных осудили условно.

В 1999 году проводились выборы в Государственную Думу России. Статус депутата Госдумы, в числе прочего, предусматривает и парламентский иммунитет, запрещающий арестовывать или привлекать к уголовной ответственности депутата за любые его действия. Поэтому наши бандиты правдами и неправдами пытались заполучить депутатские мандаты, покупая места в партийных списках и обманывая избирателей.

Задача милиции – не только обеспечить общественный порядок в день выборов, но и не допустить криминал к власти (уже в прямом, а не в переносном смысле слова). Просто обнародовать правду о криминальном прошлом кандидатов – это только полдела, нужно было поймать их «на горячем», чтобы снять с предвыборной дистанции. В итоге кандидатуры 16 бандитов, уличённых в подкупе избирателей, были вычеркнуты из списков. Среди них был и Зуфар Утяганов, член преступного сообщества «Севастопольские», на личности которого мы позже остановимся подробнее.

А вообще 99-й год стал и определённой точкой отсчёта в истории разгрома преступных группировок. В конце года были задержаны лидеры преступной группировки, суд над которой впоследствии назовут «процессом века».

«Хади Такташ» – первая ласточка

Осенью 1998 года ко мне на приём пришла женщина. Она сказала: «Я ничего не боюсь и никому не верю. Но вы – человек новый и, возможно, неангажированный. Вам я расскажу всё, что знаю».

Мало кто знает, что обратный отсчёт для оперативной раскрутки первого дела по организованной преступности в республике начался именно с этого разговора. Татьяна Кобальнова, жена одного из убитых лидеров группировки «Хади Такташ», действительно очень помогла нам в расследовании преступлений одной из самых жестоких казанских группировок. Она не

простила бандитам убийства мужа и задалась целью во что бы то ни стало добиться для убийц возмездия. Более того, она пообещала уговорить и остальных вдов тоже дать показания. Обещание Татьяна выполнила.

Женщины, кстати, в критических ситуациях бывают способны на самые неожиданные поступки. Ляля Фарзиева, единственная выжившая после расстрела в узле спецсвязи, спаслась только благодаря своему мужеству, больше часа играя с убийцей в смертельные прятки. В первом казанском деле о рэжете в милицию обратился не предприниматель, ставший жертвой вымогательства, а его жена, прямо заявившая бандитам: «Будете иметь дело со мной». В оперативных сводках периодически мелькают сообщения о женщинах, которые лишают сознания квартирных грабителей, забив их мокрыми простынями, или ранят напавших на них преступников ножами, у них же отобранными. Месть вдов в деле «Хади Такташ» сыграла роль того камешка, который вызвал лавину, похоронившую бандформирование под собой.

Информация о группировке, её лидерах и активных участниках в МВД имелась, началась активная разработка по показаниям женщин, но слова, как говорится, к делу не пришьёшь. И тут «хадишевские» преподнесли нам настоящий «подарок» ко Дню милиции, оставив на месте очередного преступления и орудие убийства, и самого... исполнителя.

Около 19 часов вечера 10 ноября 1999 года лидер ОПГ «Павлюхина» Владимир Марушкин возвращался домой на улицу Эсперанто. Навстречу ему попался бомж, совершенно не вызвавший подозрений, который, поравнявшись с Марушкиным, почти в упор несколько раз выстрелил в него из пистолета.

В подъезде в тот момент находились несколько молодых парней из ОПГ «Павлюхина» – они догнали убийцу и забили бы его до смерти, если б не подъехавший вовремя экипаж милиции. К этому моменту киллер находился без сознания. Орудие убийства – пистолет Макарова – был обнаружен тут же, на месте происшествия.

С этого убийства началось распутывание огромного клубка кровавых преступлений. В том, что дело впоследствии объединило десятки когда-то разрозненных преступлений, несомненная заслуга следственной группы, обобщившей невероятное количество материала. В эту группу вошли несколько десятков самых талантливых оперативников МВД и следователей прокуратуры республики.

...Великий татарский поэт Хади Такташ, наверное, проклял бы своё имя, если бы узнал, что теперь оно надолго будет связано с названием кровавой банды, которая, как и большинство ОПГ, получила своё название в честь местности, где проживало большинство её участников.

Ещё в 1982 году подростки, жившие в районе улиц Хади Такташа и Жданова, сколотили обычную для того времени группировку, основным времяпрепровождением которой были групповые драки «толпа на толпу». Структура её тоже была стандартной: лидеры – криминальные авторитеты, текущие расходы оплачиваются из «общака», в который все члены ОПГ обязаны платить регулярно, добывая деньги любым способом.

Старшие члены банды «Хади Такташ» жили по криминальным «понятиям», промышляя чистой уголовщиной, молодые же хотели заниматься бизнесом – группировка начала прибыльно торговать полиэтиленовой крошкой, ворованной с производственного объединения «Оргсинтез». Старшие считали молодых «барыгами» и требовали отдавать в «общак» не какую-то часть, а всё заработанное. Молодёжь была не согласна. Так в 1992 году произошёл раскол, в результате которого 4 ноября 1992 года возле офиса казанской фирмы «Сандра» лидера «молодых» Анвара Халиуллина расстреляли. Ответ не заставил себя ждать – в январе 1993-го в Москве был убит и главарь «старших» Рауф Шарафутдинов.

Лишившись обоих лидеров, группировка «Хади Такташ» распалась на пять самостоятельных бригад, одну из которых возглавили 23-летний Радик Галиакберов (Раджа) и его друг Николай Гусев (Гусь), вступившие в группировку ещё подростками и выросшие вместе с ней. За одну из уличных драк, в которой несовершеннолетний Галиакберов проломил голову про-

тивнику, он получил срок, что в те годы резко добавляло авторитета среди своих. Гусев, правда, недолго побыл в криминальных жожаках – через год с небольшим он сбежал из Казани, прихватив с собой большую часть «общака».

Основной костяк бригады составляли Андрей Ситнов, Вадим Зайнутдинов, Сергей Гребенников, Александр Сычѳв, Асхат Валиуллин, Павел Комлев, Айрат Хакимов и Денис Лонцаков. Всего же в бригаде насчитывалось несколько десятков человек. Банда достаточно быстро установила контроль над «наследством» убитого Халиуллина, взяв под свою «крышу» все фирмы, с которыми он работал при жизни. Лидеры других бригад таким раскладом были недовольны, назревал новый передел. На место единого для всех бригад жожака и держателя «общака» прочили Владимира Диденко (Дидю), главаря ещё одной отколовшейся банды.

В сентябре 1993 года Раджа предложил Диденко отступные в размере 50 тысяч долларов. Но для этого необходимо было выехать в Москву якобы для оформления кредита. Ничего не подозревающий Диденко и ещё два авторитета от «стариков», Ильсур Валеев и Рустем Бареев, отправились вместе с Андреем Ситновым в столицу, вчетвером сняли квартиру на улице Адмирала Макарова, и Ситнов отправился «по делам». В это время из Казани следом уже выехали пятеро «ликвидаторов» из бригады Раджи. В ночь с 29 на 30 сентября Ситнов открыл входную дверь подельникам, и те, тихо войдя в квартиру, расстреляли троих спящих. Тела «стариков» завернули в ковры и вывезли в неизвестном направлении – в последующие девять лет, к моменту суда, их так и не удалось обнаружить.

Старшие забеспокоились по поводу бесследной пропажи своей делегации, и Раджа предлагает наиболее авторитетному из «стариков» Александру Кобальнову вместе съездить в Москву, чтобы навести справки. Но Кобальнов отказывается, и спустя два дня его машину обстреливают неизвестные, а сам он получает ранение. Связь пропажа «стариков» – отказ Кобальнова от поездки – обстрел его машины уже очевидна, и на очередных сборах Андрей Черножуков из бригады убитого Диденко озвучивает, что всё произошедшее – работа Раджи. Галиакберов в тот же день узнаёт о выдвинутом обвинении и поручает проверенному соратнику Вадиму Зайнутдинову (Бульбе) убрать чересчур разговорчивого бойца. Выбор, кстати, падает на Бульбу неспроста, это плюс ко всему и проверка на прочность – тот ведь дружит с Черножуковым.

Задание Бульба провалил. Но не потому, что рука не поднялась на друга, а из-за склонности к дешѳвым эффектам. Зайнутдинов решил не просто убить Черножукова, а просмаковать ситуацию, пощекотать себе нервы в стиле киношных штампов. В день намеченного убийства он заявился к жертве в гости, весь вечер они вместе напивались коньяка и клялись друг другу в преданности, а потом отправились подышать воздухом. Во дворе, извинившись перед другом за предстоящее убийство, Бульба достал обрез, но приятель не стал ждать конца трогательной речи и рванул наутѳк. Пьяный Зайнутдинов стрелял в убегающего, но промазал, и жертве удалось ускользнуть.

Вскоре после этого Раджа вместе с приближѳнными временно перебрался в Москву, продолжая пристально следить за происходящим в группировке. Он узнал, что члены группировки Диденко – оправившийся после ранения Кобальнов, Сергей Аксанов и Булат Куваков – собираются в столицу, выяснить наконец, что стало с Дидей и его спутниками.

Дождавшись их приезда, Галиакберов предложил Аксанову встретиться, правда, переговоры вести с ним не собирался. Аксанова просто всемером избили и с проломленной головой, истекающего кровью оставили связанным в квартире на Таганке. Теперь надо было «разобраться» с остальными. Отправившись по адресу, где оставались Куваков и Кобальнов, они тихонько открыли дверь ключами, которые забрали у Аксанова. Кобальнов в это время варил на кухне суп, а Куваков смотрел телевизор. Всё, чем смог ответить Кобальнов на внезапное нападение, это плеснуть в непрошенных гостей горячим супом. Обоих зарубили топорами, специально для этой цели купленными заранее, а тела увезли с собой.

Аксанова же по приказу Раджи пытали ещё целых три дня. Вот показания одного из убийц: «Все три дня он лежал связанным в туалете, его периодически избивали, из разбитого черепа наружу торчала кость. Убили на третий день, он совсем обезумел от истязаний, плакал, ползал на коленях и целовал руки Радже. Перед убийством Бульба туго перебинтовал его голову – чтобы потом не собирать осколки от разрубленного топором черепа...»

Зайнутдинов двумя ударами топора добил Аксанова. Тела всех троих расчленили в ванной и упаковали. Сам Раджа, несказанно позабавившись процессом, назвал это «превращением в Венеру».

Через полгода, в начале января 1994 года, в коллекторе реки Чермянки на окраине Москвы было обнаружено два расчленённых трупа. Проверили заявления о пропавших без вести за последнее время по Москве и Московской области – не совпадают, снятые отпечатки пальцев в дактилоскопической картотеке столичного ГУВД не значатся. Так бы останки и захоронили спустя некоторое время как неопознанные, если бы из МВД не поступила информация о шести пропавших без вести жителях Казани. Татьяна Кобальнова приехала в столицу и отправилась в морг, где её спросили про характерные приметы на теле мужа. У Александра Кобальнова была более чем характерная примета: лишний зуб на нёбе. Стало очевидно: это он. Через несколько дней опознали останки и второго мужчины, найденные в Чермянке, – Кувакова.

По факту убийства Кобальнова и Кувакова прокуратура возбудила уголовное дело, хотя все понимали, что на самом деле в Москве совершены два тройных убийства. А вдова Кобальнова с этого времени начала свою собственную войну против Раджи и его приспешников.

В Казань Раджа вернулся в 1994 году. К этому времени конкурентов уже не оставалось (Гусев, видимо, боясь разделить их судьбу, сбежал), и Галиакберов стал единоличным владельцем и распорядителем «общака». Дань ему безропотно платили все бригады группировки: и «Волочаевские», и «Кладбищенские», а также запуганные бизнесмены, в том числе весьма известные и уважаемые в Казани люди.

Убийства между тем продолжались. Летом 1995 года были убиты члены группировки Эдуард Хайруллин и Владимир Воронцов. В 1997 году убивают родственника Александра Кобальнова, который проявил излишнюю активность в поисках пропавшего.

Надо оговориться, что «Хади Такташ» была лишь одной из многих ОПГ, деливших Казань на зоны влияния: «Жилка», «Борисково», «Низы», «Перваки»... Соваться в чужие районы было смертельно опасно. Единственным исключением оставался бизнес на вполне легальном сбыте ворованного с «Оргсинтеза» полиэтилена, который вёлся за пределами территории «хадишевских». Наиболее опасным конкурентом в этом деле для «хадишевских» являлась ОПГ «Жилка», которая со временем всё-таки отобрала у них «Оргсинтез».

В середине 90-х ОПГ «Хади Такташ» полностью контролировала в центре города наркоторговлю, услуги проституток, обложила налогами около 50 различных предприятий, банков, торговых точек, ресторанов. Большие доходы приносила и деятельность двух подконтрольных городских кладбищ. «Хадишевцы» превратили обычный банно-прачечный комбинат «Здоровье» в золотую жилу, добавив к оздоровительным процедурам в бассейнах, банях и саунах услуги проституток, приносящих ежедневно до 5 тысяч долларов. Следствием было также установлено, что группировка «Хади Такташ» контролировала около 75 процентов городского героинового рынка, реализуя ежедневно до килограмма героина.

При этом группировке приходилось постоянно защищать зоны своего влияния. Именно на этой почве возник конфликт с «Перваками» – группировкой из микрорайона Первые Горки.

Летом 1997 года один из лидеров «перваков», Гриньков, взял у «хадишевских» 200 граммов кокаина и не заплатил. Галиакберов решил, что это демонстрация силы со стороны «перваковских», и выдвинул ультиматум: либо должник возвращает кокаин, либо прощается с жизнью. Гриньков предложил обсудить дело мирно у себя дома на улице Мавлютова.

Гостей он принимал вместе с приятелем. Угостил визитёров – Ситнова и Гребенникова – коньяком, но цель гостей от гостеприимства не зависела: они пришли убить. Хозяев застрелили, однако уйти не успели: в дверь позвонили двое «коллег» убитого. «Хадишевцы» застрелили одного у порога, второго только ранили в лицо, и он сумел убежать.

Узнав об убийстве своего лидера, «перваки» собрались на сход. Часть бригады, во главе которой стоял друг убитого Гринькова Альберт Батров (Бибик), настаивала на мести. Более осторожные, во главе с Фердинантом Юсуповым (Федя), предлагали не связываться с бандой «Хади Такташ». Тем не менее, не считаясь с мнением «умеренных», «бибиковские» подловили и забили до смерти одного из «хадишевских». После этого Раджа объявил «первакам» войну.

Повысив сумму взносов в «общак», на общем сборе Раджа разъяснил, с чем это связано: теперь за убийство каждого рядового «первака» группировка будет платить по 5 тысяч долларов, а убийство самого Бибика оценивается в 50 тысяч долларов. Списки врагов, их адреса и номера машин были размножены и переданы всем членам ОПГ, даже младшим школьникам. Галиакберов же с этого времени всегда носил под одеждой бронежилет. К войне Раджа отнёсся крайне серьёзно, достаточно сказать, что ни один «хадишевский» не пострадал, а семь «перваков» были убиты. Сам Батров счёл за лучшее уехать в Петербург, чтобы избежать их участи.

В это же время из колонии освобождился Ринат Фархутдинов (Ринтик), отсидевший за хранение оружия. Раджа предложил ему набрать и возглавить группу киллеров, которая будет исполнять лично его, Галиакберова, заказы. Ринтик взял в бригаду своего племянника Дениса Чернева, а также старых друзей – Анатолия Новицкого и Валерия Широкова. Киллеры разработали специальный кодовый язык, которым для конспирации пользовались при переговорах. Об убийстве, например, говорилось так: «Смотрите телепередачу» (в криминальных новостях всегда сообщали об убийствах). Все распоряжения Раджи выполнялись беспрекословно, а он мог приказывать убить кого угодно, хоть близкого друга. Именно так произошло с Ильнуром Исмагиловым, с которым Ринтик был в приятельских отношениях и некоторое время даже жил в его семье. Тем не менее, получив приказ убить Исмагилова, Фархутдинов даже не колебался. Правда, стрелял не сам – доверил племяннику, но «засветил», в кого именно надо стрелять, назначив жертве «рандеву». Едва Ринтик отъехал от места встречи с «другом», как киллер убил и Исмагилова, и случайно оказавшегося рядом знакомого жертвы Юрия Пушкарёва.

Не возражали ликвидаторы и тогда, когда пришлось отстреливать своих вчерашних товарищей по ОПГ – Никиту Воздвиженского и Александра Сакмарова. Никиту застрелили на глазах жены – она видела в окно, как муж был убит четырьмя выстрелами в упор, а в убежавшем киллере узнала одного из бывших друзей Никиты.

Если к Воздвиженскому у Ринтика ещё могли быть личные претензии («заказанный» жил с его бывшей женой), то Сакмарова убили потому, что тот состоял в родстве с лидером «перваков» Бибином. Радже просто пришла в голову идея выманить Бибика из Питера в Казань на похороны родственника, для чего «приманку» расстреляли прямо на глазах жены и маленькой дочки во дворе собственного дома.

План, конечно, не сработал. Но Галиакберов не особенно расстроился. Не получилось в этот раз – получится в другой. Он уже готовил новый «проект». Осенью 1999 года «хадишевские» решили развязать очередную войну. На этот раз против набравшей силу группировки «Павлюхина», географически куда более близкой, чем «Перваки». Первой жертвой как раз и предстояло пасть Владимиру Марушкину, который организовал сбыт наркотиков, конкурируя с точками «хадишевских». Роль киллера выполнил переодетый бомжем Анатолий Новицкий, чей арест стал отправной точкой в деле «Хади Такташ». Новицкий дал показания, и в декабре того же года были задержаны уже многие члены банды, в том числе и сам Раджа – Радик Галиакберов.

Раджа, кстати, прекрасно понимал, что ему светит пожизненный срок, поэтому пытался торговаться всеми доступными способами. Как-то мне доложили, что он очень просит встречи

со мной: якобы у него есть какая-то сверхценная для меня информация. Я пошёл в изолятор (он сидел в СИ-1*), думаю, чем он собрался нас удивить? А он пообещал дать информацию по всем убийствам, совершённым в Казани и остававшимся к тому времени нераскрытыми. «Сколько, – спрашивает, – у вас нераскрытых убийств?» Я: «Что дальше?» – «Назовите мне место, дату совершения и оружие, и через день к вам придут люди и расскажут, как они убивали». Другими словами, Раджа обещал мне 100-процентную раскрываемость убийств: бомжи, алкоголики и должники «хадишевских» взяли бы вину за них на себя. Он всерьёз думал, что я поведусь...

Но мы вернулись к этому его обещанию позже – в 2003 году. Он действительно помог в расследовании убийства директора казанского пивзавода «Красный Восток» Айбата Айбатова, совершённого 20 февраля 1996 года. Раджа сообщил, что сын бывшего секретаря обкома КПСС Борис Булатов обращался к нему с «заказом», но не договорились о цене. Заказ взял другой бывший член его группировки – Сергей Павлов (Матрос). (Павлов и Булатов были арестованы в 2006 году и приговорены к 9 и 11 годам соответственно.) Галиакберов помог выйти на заказчика и благодаря этому получил некоторые послабления в режиме.

...С первых дней суда над «хадишевскими» зал был переполнен. У клетки с подсудимыми неотлучно дежурил автоматчик. Меры предосторожности включали тотальную проверку паспортов и сумок на входе, а безопасность процесса обеспечивали в общей сложности триста сотрудников МВД. Ведь для оставшихся на свободе членов группировки «Хади Такташ» Раджа по-прежнему был начальником, а свидетелей не было возможности стеречь круглосуточно.

Самой большой заботой для нас стало обеспечение безопасности свидетелей. И были тому веские причины. Юлия Гаврилова – жена убитого Воздвиженского, экс-супруга бригадира киллеров, – одна из самых важных свидетелей обвинения, скончалась при странных обстоятельствах: находясь в своей квартире, она отравилась угарным газом. А обвиняемые оттягивали очередные слушания самоотверженно, буквально не щадя живота своего: Новицкий и Широков глотали гвозди, делали харакири. И слушания переносились. Закона о защите свидетелей в России ещё не было, а свидетели, нуждающиеся в защите, уже были, нам пришлось придумывать свои нестандартные ходы.

Впервые в республике, да и в России, на судебном процессе, длившемся более одного года, были обеспечены беспрецедентные меры безопасности в отношении свидетелей по уголовному делу. Свидетели обвинения по делу «Хади Такташ», многие из которых жили в том же районе, что и бандиты, согласились давать показания только после изменения их анкетных данных. Многие из зашифрованных панически боялись визуального контакта с преступниками. Получить их показания мы смогли только после изоляции лидера группировки, руководителей звеньев и рядовых исполнителей преступного сообщества. И, кстати, получив гарантии безопасности, избобличающие сведения дали и бывшие члены группировки.

Свидетелей в масках и мешкообразных пальто-балахонах, скрывающих фигуру, привозили в суд под усиленной охраной. Размещали в отдельной комнате рядом с залом заседаний, оборудованной микрофоном и камерой. Судья заходил в комнату, удостоверяя личность, и возвращался в зал, где выступление свидетеля, с изменением голоса через специальную аудиоаппаратуру, транслировалось на экран. Менялись анкетные данные, место жительства, прибегали к парикам, усам и бородам, чтобы изменить внешность человека. Для маскировки одного из свидетелей пригласили гримёра из Театра оперы и балета, и показания тот давал в образе... Николая Васильевича Гоголя.

При расследовании этого дела вообще многое было сделано впервые. Во время следственного эксперимента, проведённого в Москве в 2000 году, был приглашён известный специалист в области криминологии, который применил специальный метод осмотра места происшествия. В итоге спустя 7 лет с момента совершения убийства в ванной комнате были обнаружены следы крови...

В январе 2002 года Верховный суд РТ поставил точку в многолетней истории банды «Хади Такташ». За два года дело оформилось в 32 тома, не считая 19 видеокассет оперативной съёмки. Было опрошено около 500 свидетелей, проведено более 200 экспертиз. Ни один из 13 обвиняемых не признал себя виновным ни по одному пункту обвинения.

Радика Галиакберова и бригадира киллеров Рината Фархутдинова приговорили к пожизненному заключению. Самым активным членам банды Сергею Гребенникову и Александру Сычёву дали по 24 года в колонии строгого режима, Вадиму Зайнутдинову и Андрею Ситнову – по 22 года, киллерам Анатолию Новицкому и Денису Чернееву – по 20. Валерий Широков был осуждён к 15 годам, Денис Лонцаков – к 12. Самым молодым членам банды Павлу Комлеву и Айрату Хакимову суд установил меру наказания соответственно в 8 и 7 лет лишения свободы. Минимальный срок – 6 лет – получил «ответственный» за притон «Здоровье» Асхат Валиуллин, страдающий серьёзными увечьями. Что характерно, все приговоры включали конфискацию имущества.

Как и следовало ожидать, приговор обжаловали все осуждённые, сначала в Верховном суде Татарстана, а потом Российской Федерации. Кто-то просил прекратить дело за недоказанностью, кто-то – провести процесс заново, кто-то – сократить срок. Адвокаты напирали на то, что в делах об убийствах есть только косвенные доказательства: ни оружия, ни трупов по многим эпизодам не обнаружено, оспаривались показания свидетелей, звучавшие «не в зале суда». Циркулировали слухи, что на подкуп суда Раджа собрал неслыханную сумму.

7 из 13 «хадишевцев» лично присутствовали на рассмотрении кассационных жалоб, для чего были этапированы в Москву. Во время заседания, закончившегося 6 февраля 2003 года, бандиты участвовали в процессе, находясь в СИЗО. Они видели и слышали происходящее в суде на телемониторе, судьи, в свою очередь, видели и слышали семерых осуждённых с телеэкранов. Пятеро главарей ждали решения в казанском изоляторе. Определение Верховного суда повергло преступников в шок. Несмотря на анонсированный «подкуп», кассационная коллегия под председательством судьи Зямиля Галиуллина отклонила все жалобы осуждённых и их адвокатов, оставив приговоры в силе.

В суде не просто был доказан факт организации преступного сообщества, впервые удалось разом отправить за решётку всю верхушку банды – 13 человек. И впервые был вынесен настолько суровый, но заслуженный приговор: 180 лет заключения на 11 человек, не считая двух пожизненных сроков для главарей. Одно только чтение приговора растянулось на два дня. Подсудимым вменялись 13 убийств, два покушения, бандитизм, организация и участие в организованном преступном сообществе, наркоторговля, вымогательства, незаконное хранение оружия, контроль над проституцией. Развязанная группировкой криминальная война на самом деле унесла десятки жизней. Доказанные в суде 13 убийств – лишь малая часть жертв, по нашему мнению, их было не меньше полусотни.

Эта ОПГ стала лишь первой в длинной череде преступных группировок, попавших под пресс закона в 2000-х. О процессе писали и говорили несколько лет подряд, и даже сейчас, спустя почти десять лет, в Интернете любой желающий может найти о нём массу информации.

На сайте «Криминальная Россия» выложена и старенькая фотография из материалов уголовного дела, где запечатлены члены подростковой (тогда ещё) группировки. Под фото – подпись: «Экон вскоре будет найден в лесу разрубленным на части. Никита и Куян будут застрелены. Гудок давно пропал без вести. Маймул и Обезьяна сядут в тюрьму за убийство своего хорошего друга. Алтуха и Синий погорят на наркоте. Дольше всех продержался Бульба – до 2002 года, когда ему вынесли приговор – 22 года колонии строгого режима».

По-моему, очень показательно.

Мы совершили огромный прорыв в деле борьбы с организованной преступностью. И огромная заслуга в этом следователей прокуратуры республики, а позже – следственного комитета. Я уже писал, что статья «Организация преступного сообщества» при вынесении пригово-

ров исключалась судами из-за слабой доказательной базы. Татарстанские следователи на деле «Хади Такташ» впервые отработали методику доказывания «двести десятой» и в дальнейшем по уже выработанной технологии направляли дела в суд. Сайфихан Нафиев*, Кафиль Амиров*, Фарит Загидуллин*, Владимир Карузин*, Вадим Антипов* – это люди, чью заслугу в разгроме казанских ОПГ трудно переоценить. Оперативники МВД всегда с благодарностью вспоминают следователей, с которыми бок о бок месяцами, годами разматывали криминальные клубки: Максима Беляева, Эдуарда Абдуллина, Вадима Максимова, Рената Каримова, Олега Ульяновченко, Альберта Гибадуллина, Гамлета Гараева, Айрата Миннулина. На самом деле этот список можно продолжать ещё долго, увы, назвать всех просто нереально. Но я от души говорю вам: «Спасибо, мужики!»

Подрыв кукморского газопровода

1999-й – год начала второй чеченской кампании. После Хасавюртовских соглашений долгожданный мир на Кавказе так и не наступил. Криминальные структуры Чечни безнаказанно делали бизнес на массовых похищениях людей, наживались на производстве и контрабанде наркотиков, выпуске и распространении фальшивых денежных купюр, на хищениях нефти, терактах и нападениях на соседние регионы. Нам тоже предстояло со всем этим столкнуться.

Утром 1 декабря 1999 года дежурный сообщил мне, что произошёл взрыв магистрального газопровода Уренгой – Помары – Ужгород, который проходит через многие регионы, в том числе и Татарстан. Рвануло в Кировской области, почти на самой границе с нами, так что мы сразу же выслали свою следственно-оперативную группу, и я тоже вылетел на место происшествия вместе с начальником УФСБ Александром Гусевым* и Рафкатом Кантюковым*.

Сначала я не поверил в теракт. Конечно, уже полыхало в Чечне, но мне всегда казалось, что наших людей зараза экстремизма не должна коснуться, что им хватит ума разобраться, где конфеты, а где фантики. В силу того, что татарский народ всегда был просвещённым и миролюбивым, исповедующим мягкий ислам, нас нельзя даже сравнивать с Кавказом. Да и кировчане, с которыми я связался, поначалу успокоили: «Взрыв техногенного характера, газопроводы иногда взрываются, не берите в голову – усталость металла, свищ, трактор зацепил...»

Но когда мы вылетели к месту происшествия, мы уже знали, что это подрыв. К тому времени наши эксперты, поработавшие на месте, чётко определились, что имел место самый настоящий террористический акт. Эксперт, молодец, нашёл остатки взрывного устройства, насобирав следы взрывчатки – аммиачной селитры и алюминиевой пудры... Позже даже лопаты нашли, которые использовали диверсанты.

Это было не просто серьёзно, это в корне меняло всю картину мироустройства в самом центре России. Да, Чечня уже полыхала, прогремели взрывы в жилых домах в Москве и Каспийске, но мирное Поволжье казалось оазисом спокойствия. Мы просто поверить не могли, что подобное возможно у нас, в одном из самых безмятежных регионов, такое в голове просто не укладывалось...

Как выяснилось, первый взрыв прогремел в 7 утра. В 8 – второй. Ещё через 2 часа загорелся газопровод. Факелы достигали 50 метров в высоту, образовались две глубокие воронки – 20 метров в ширину и 4 метра в глубину. Уголовное дело, возбуждённое по факту диверсии, принял к производству следственный отдел КГБ РТ, и мы начали совместную работу.

Вскоре следы привели в Татарстан, в посёлок Кукмор. По большому счёту медвежий угол, тишайшее место. Здесь напившийся житель – редкость, драка – событие, о котором год будут вспоминать, и вдруг – на тебе! – гнездо террористов.

Организатором преступления оказался некий Рамазан Ишкильдин. Мы проследили его жизненный путь, и оказалось, что до 23 лет он жил в деревне Старый Сибай Баймакского района Башкирии, где не выделялся решительно ничем. В конце 1998 года парень неожиданно

для односельчан решил стать богословом и уехал «учиться на имама». Поехал Ишкильдин не куда-нибудь, а в Веденский район Чечни, где действовал печально известный учебный центр террористов «Кавказ». Там он с января по июль 1999 года проходил религиозное обучение и диверсионно-тактическую подготовку. На первое задание Ишкильдин должен был отправиться в татарский райцентр Кукмор, где жил ещё выпускник «Кавказа» 18-летний Айрат Гильмутдинов, и вместе с ним организовать подрыв газопровода.

В августе 1999 года Ишкильдин собрал в Кукморе целую группу молодых людей, симпатизировавших чеченским ваххабитам. По времени это совпало с началом новой чеченской кампании, и они считали себя чуть ли не партизанами во вражеском тылу. Взрыв газопровода, по мнению диверсантов, должен был нанести ущерб экономическим интересам России. Кроме того, они полагали, что замерзающее без сибирского газа европейское сообщество надавит на правительство России с требованием прекратить военную операцию в Чечне.

Диверсанты изготовили бомбы из аммиачной селитры и алюминиевой пудры (именно такими устройствами были взорваны дома в Москве, Буйнакске и Волгодонске) и вечером 30 ноября 1999 года на трёх машинах выехали в Кировскую область. За ночь вырыли девять шурфов, заложили три взрывных устройства и утром 1 декабря подорвали газопроводы Пермь – Казань – Горький-1, Пермь – Казань – Горький-2 и Уренгой – Ужгород. Ущерб, нанесённый ООО «Таттрансгаз», превысил 7,5 миллиона рублей. В планах диверсантов дальше был взрыв на Шеморданской газоперекачивающей станции.

В течение месяца нам удалось задержать большинство членов террористической группы. Внешне это были совершенно обыкновенные парни – не алкаши, не наркоманы, не бомжи, в основном жители посёлка Кукмор. Соседи отзывались о них только положительно: тихие, ни в чём предосудительном до этого замечены не были. Вежливые, набожные: по крайней мере пятеро из них регулярно посещали мечеть, где и сблизились на почве интереса к исламу. Только поговорив с ними, я понял, как можно сломать человека идеологией, превратить, по сути, в зомби.

Самому младшему из них, Олегу Бабушкину (кстати, он русский, житель соседних с Кукмором Вятских Полян, принявший ислам), в момент совершения преступления едва исполнилось 19 лет. Остальным от 22 до 31 года.

Айрат Гильмутдинов и Рамазан Ишкильдин сумели скрыться. Но ненадолго: Гильмутдинова, скрывавшегося в Таджикистане, сотрудники татарстанского КГБ нашли и задержали в августе 2000-го. В январе 2001 года суд признал участников преступной группы виновными в совершении диверсии и приговорил к срокам от 10 до 14 лет лишения свободы. Избежал колонии только Гильмутдинов, которого признали невменяемым.

Никто из осуждённых не признал себя виновным. Они утверждали, что слова «ваххабизм» и «исламский экстремизм» впервые услышали во время следствия. «Перед Аллахом я чист!» – говорили подсудимые в своём последнем слове.

Самого Рамазана Ишкильдина задержали 26 июня 2002 года азербайджанские пограничники, когда тот пытался проникнуть на их территорию из Дагестана. В июле диверсант был передан российской стороне, и вскоре Верховный суд РТ вынес приговор последнему, двенадцатому фигуранту по делу о взрыве магистрального газопровода – 15 лет строгого режима.

А для правоохранительных органов это стало серьёзным уроком. Зная, что татары всегда были приверженцами умеренного ислама, что экстремизм не в традициях нашего народа, мы были слишком безмятежными. Максимум, чего ожидали, – это открытых проявлений националистов, обострения чисто политической ситуации. Действительность же оказалась намного жёстче.

Краткие итоги 1999 года:

Число зарегистрированных преступлений увеличилось более чем на 36 процентов – **72 161** преступление, из них раскрыто – 71,4 процента.

Раскрыто **756** преступлений прошлых лет.

Расследовано **502** преступления, совершённых в составе организованных групп.

Улучшена раскрываемость умышленных убийств: из **690** совершённых раскрыто **609**, в том числе **11** заказных.

Возбуждены уголовные дела по **3** фактам организации преступного сообщества и **5** фактам бандитизма.

Данные социологического опроса жителей Татарстана:

- 42 процента опрошенных отметили низкую культуру общения сотрудников;
- значимость состояния преступности в глазах населения снизилась с 33 до 30 процентов;
- число граждан, считающих, что состояние общественной безопасности стало удовлетворительным, выросло с 28 до 41 процента;
- число респондентов, считающих его неудовлетворительным, снизилось с 55 до 39 процентов.

2000-й. Год следствия

В 1999 году с ростом зарегистрированных преступлений возросла и нагрузка на каждого следователя в среднем почти в полтора раза. Страдало качество расследования – приговоры «разваливались» в судах, стало почти нормой нарушение сроков расследования, нарушение прав граждан при задержаниях и арестах. В общем-то неудивительно, ведь на тот момент высшее юридическое образование имели меньше половины следователей, а 20 процентов из них только-только начинали службу.

Нам же, кровь из носу, нужно было именно качество расследования. Что толку в задержании преступника, если суд его оправдает и отпустит на свободу из-за слабости доказательной базы?! Один вред: тот получит дополнительный опыт в «разваливании» уголовных дел и окончательно перестанет бояться ответственности.

Первого января 1997 года вступил в силу новый Уголовный кодекс Российской Федерации. В частности, наконец-то (с опозданием в 10 лет!) появилась статья 210 УК РФ «Организация преступного сообщества». Правоохранительные органы получили возможность бороться с организованной преступностью с открытым забралом.

Не тут-то было. И в 98-м, и в 99-м годах мы направляли в суд по 10–12 уголовных дел, в которых обвинение фигурантам предъявлялось в том числе и по этой статье. Но суды при вынесении приговора из списка преступлений организацию преступного сообщества исключали. На самом деле судьи просто не хотели связываться с плохо знакомым материалом, с возможной отменой приговоров судом высшей инстанции и действовали наверняка, объясняя свои действия примерно так: «Преступники осуждены? Осуждены. Убийства, разбои, вымогательства доказаны? Доказаны. Что ещё нужно?» А нужна была принципиальная позиция. Ведь в отсутствие «210-й» многие (в том числе организаторы преступных групп) уходили от ответственности.

Наши специалисты провели выборочное изучение уголовных дел, рассмотренных Верховным судом РТ с 1996 по 1999 год в отношении членов ОПГ. Оказалось, что в подавляющем большинстве случаев следствие доказывало не совместную преступную деятельность членов группы (что свидетельствовало бы о преступной организованности), а организованность отдельно взятых преступлений, совершённых её участниками.

Другими словами, следователи на тот момент ещё не научились доказывать факт организации преступного сообщества так, чтобы суд счёл обвинения вескими. У них элементарно отсутствовали необходимые знания и опыт! Именно поэтому 2000 год мы определили для себя как «год следствия». Возглавил это направление мой новый заместитель по следствию Андрей Вазанов.

Дело о «лохотроне» – разминка перед боем

К весне 2000 года в Российской Федерации (спустя 3 года с начала действия нового Уголовного кодекса!) был вынесен один-единственный приговор по статье «Организация преступного сообщества» – Нижегородским областным судом в отношении ОПГ из пяти человек, созданной для хищений нефтепродуктов.

Второй в истории России приговор по 210-й статье УК состоялся в Татарстане. И это был не знаменитый процесс по банде «Хади Такташ», как принято считать, а дело так называемых «лохотронщиков».

«Лохотрон» – примета времени, явление, широко распространившееся в 90-е годы. Вариаций «лохотрона» множество, но смысл один: найти «лоха» и вытрясти из него все деньги при его же добровольной и «радостной» помощи.

В конце 90-х на рынках республики практически всех напёрсточников сменили организаторы игры «Счастливый билет». Суть игры сводилась к следующему. Рекламный агент, выловив в рыночной толпе потенциальную жертву, сообщал ей, что он (она) стали претендентом на выигрыш. К сожалению, выигрыш один, а претендентов двое, и придётся посоревноваться. Соглашались многие.

Возле ведущего уже стоял подставной игрок – тот самый второй претендент. Оба участника должны были выбрать семь карточек с цифрами, и набравший большую сумму считался выигравшим. Разумеется, сумма цифр подставного неизменно оказывалась равной сумме, набранной жертвой. Следующие раунды проводились уже при наличии денежных ставок обеих сторон – по правилам игры давший большую сумму должен был уйти и с призом, и с деньгами.

Конечно же, «лох» никогда не выигрывал. Он и не мог выиграть, ведь для повышения ставок соперник использовал не только свои деньги, но и его собственные, добровольно отданные в предыдущих раундах. Круговорот останавливался только тогда, когда у бедолаги деньги заканчивались совсем.

Первое уголовное дело по «лохотрону» в республике было возбуждено в Альметьевске в 1998 году, городской суд осудил 9 человек. Год спустя аналогичное дело расследовалось в Нижнекамске.

В Казани мошенники вышли за рамки обычного «лохотрона», организовав настоящий масштабный криминальный бизнес, внешне очень качественно замаскированный под легальный.

Общество с ограниченной ответственностью «Комета» было зарегистрировано в сентябре 1998 года. Если верить официальным лицензиям, его деятельность предполагала содержание казино, ипподромов и других игорных заведений. В действительности же работа свелась к организации десятка так называемых «точек» на Центральном колхозном рынке, рынках Приволжского и Московского районов, авторынке по улице Амирхана. Каждую «точку» в среднем обслуживали 10–12 человек, так что организация насчитывала более 100 участников.

Людей в фирму принимали только по ходатайствам уже проверенных, зарекомендовавших себя работников. Постоянный костяк – менеджеры и ведущие игры – не менялся, покинуть бизнес было практически невозможно: знающих внутреннюю кухню просто так из «Кометы» не отпускали.

Система работала безупречно: строгая иерархия, чёткое распределение ролей, постоянное повышение квалификации (в «Комету» не только отбирали по актёрским данным, но и требовали постоянной шлифовки мастерства), специфический, понятный только своим язык. Структурой она напоминала семью. Кстати, в рамках группы многие создавали семейные пары.

Первоначальный материал оперативники собирали в течение 8 месяцев. Путаные заявления потерпевших, обратившихся в милицию, не давали чёткой картины, а внедрение сотрудника в группу мошенников, где каждого знали в лицо, было практически невозможно. Единственным способом получения информации оставалось круглосуточное постоянное наблюдение.

Чтобы понять суть обмана, сотрудники УБОП под видом «лохов» периодически сами проигрывали деньги. Весь процесс фиксировался на видеоплёнку и впоследствии активировался – для доказательства мошеннических действий нужно было собрать улики, подтверждающие, что выиграть у «лохотронщиков» невозможно. Наружное наблюдение тем временем устанавливало личности, места проживания и связи всех участников.

И вот 1 февраля 2000 года под конец торгового дня началась крупномасштабная операция по задержанию преступной группы. Задержания шли одновременно в нескольких «точках»: на Центральном и Приволжском рынках Казани, а также в местах сборов, где после трудового дня мошенники подводили итоги. Всего в тот вечер были задержаны 62 человека.

Параллельно проводились обыски в офисе фирмы, прикрывавшей преступную деятельность, и на квартирах основных членов группы.

Самое невероятное в этой истории – наличие белой бухгалтерии и кассового аппарата, на котором по-честному пробивались все суммы. Правда, потом по ведомости они списывались «победителю» и доходы от игры в бухгалтерской отчётности получались минимальными. Но сам факт добросовестной регистрации и уплаты налогов, плюс настоящая лицензия долго помогали мошенникам оставаться вне поля зрения правоохранительных органов.

Директор фирмы, 36-летний житель Украины Игорь Голубов, и в ходе следствия, и на суде продолжал утверждать, что у него «всё честно»: налоги уплачены, бухгалтерия в порядке, а что творилось на «точках» – он в неведении. Надо сказать, что такая позиция не вдохновила его бывших подчинённых, не желавших становиться крайними. Одиннадцать из них в ходе следствия дали подробные, совпадающие до мелочей показания.

При обысках, помимо официальной и неофициальной бухгалтерии, денег и некоторого имущества фирмы, были изъяты любопытные рукописные инструкции, в которых с детальной точностью расписывались все возможные действия «лохотронщика» и предполагаемые реакции его жертв. Как привлечь «лоха», как заставить его раскошелиться (даже одолжить деньги, заставив потом расплатиться вещами или золотом), как избежать или погасить возмущение. Учитывались психологические особенности разных типов людей: кому-то из клиентов рекомендовалось включить «будильник» (дать в нужный момент минуту на размышление), особенно громко канючившим проигравшим разрешалось дать «утешительный приз» – игрушку или что-нибудь из посуды.

Была разработана своя система знаков, позволявшая без слов объявить тревогу: палец на плече означал приближение милиционеров, а сложенная трубочкой ладонь – близость видеокамеры. В этом случае рекомендовалось «дать лоху выиграть» и показательно отпустить его с деньгами.

Сложности по работе с «лохотронщиками» начались с момента задержания. Во-первых, более 60 человек надо было где-то содержать. ИВС не мог принять такое количество задержанных, и их разместили в актовом зале управления по борьбе с организованной преступностью. Два соборца круглосуточно охраняли толпу мошенников, пресекая их попытки общения между собой, а оперативники по очереди выводили каждого на допрос.

Две недели оперативники не выходили из управления, работали с перерывами лишь на сон. В следственно-оперативную бригаду включили сразу 14 следователей, иначе справиться с таким объёмом работы было невозможно. Начальник УБОП Георгий Балясников еженедельно докладывал мне о том, как продвигается работа: провести дело через суд именно по 210-й статье было для нас принципиально важным. От успеха или провала зависели шаги в наступлении на организованную преступность.

Следующим этапом стала работа с потерпевшими. Оперативники не предполагали столь огромного количества обманутых, причём зачастую на весьма солидные суммы. Одна из жертв за полчаса игры лишилась 320 тысяч рублей. Переезжая в другой город, женщина отправила контейнер с вещами и налегке с одним чемоданчиком перед поездом решила прошвырнуться по рынку, купить себе и ребёнку чего-нибудь в дорогу. Сомнений в выигрыше у неё не было: вряд ли у кого-то на рынке могло оказаться больше денег, ведь все вырученные от продажи квартиры деньги были при ней. До того момента, как она поставила на «счастливый билет»...

Кстати, по материалам уголовного дела подавляющее большинство пострадавших от рук мошенников (49 из 55 человек) составляли женщины. Не то чтобы мужчины не попадались, попадались, и ещё как! И многие из них даже приходили в милицию, очень эмоционально общались со следователями, но когда дело доходило до оформления показаний – пасовали. Стеснялись своей глупости.

Социальное положение, пол, возраст и достаток у жертв были совершенно разными. Объединяли их исключительно азарт и безоговорочная вера в тот самый «счастливый» случай. Размер ущерба колебался в зависимости от благосостояния – от ста рублей до сотен тысяч. Многие из потерпевших говорили потом оперативникам, что знали про все эти штучки: и знакомые рассказывали, и друзья предупреждали, но нет ведь, повелись «как дуры»!

8 июня 2001 года в Верховном суде республики был оглашён приговор по «лохотронщикам». Судебное слушание длилось около четырёх месяцев, и в результате впервые в истории юриспруденции Татарстана 27 обвиняемых признали виновными в участии в преступной организации и совершении мошенничества. Состоялся второй в России приговор по 210-й статье Уголовного кодекса.

17 женщин отделались условными сроками наказания. Менеджеры получили от 3 до 6 лет лишения свободы в зависимости от степени вины. Игоря Голубова суд признал виновным по всем статьям, предъявленным обвинением, и приговорил к 9 годам лишения свободы в колонии общего режима.

P. S. Сколько ни разоблачай мошенников, какие наказания ни применяй, но, пока страсть российского человека к халяве неистребима, азартные игры были, есть и пребудут вовеки. И на этом вечном двигателе ещё будет сколочено не одно состояние...

Убийство сорокалетней давности

В 2000 году снизилось количество заказных убийств, а из тех пяти, которые были совершены, три удалось раскрыть. Плюс ко всему, оперативные службы раскрыли 30 убийств прошлых лет. Именно в 2000-м мы начали первыми в стране активно использовать автоматизированную дактилоскопическую систему «Папилон», представляющую собой сеть локальных комплексов в райотделах, имеющих выход в центральную систему. За год она позволила идентифицировать около 3 тысяч человек и раскрыть более 2 тысяч преступлений, в том числе 123 убийства. Показательным в этом смысле стало раскрытие убийства таксиста, совершённое в Казани ещё в 1974 году. Эксперт изъям с места происшествия следы рук, которые были помещены в криминалистическую картотеку. И спустя 26 лет (!) при проверке картотеки по системе «Папилон» выяснилось, что следы совпадают с отпечатками пальцев некоего Ежова, задержанного по подозрению в другом преступлении. Под тяжестью улики Ежов сознался в совершении преступления.

Но среди раскрытий 2000 года было одно, подпадающее под разряд «раз в сто лет». В 2000 году сотрудники Авиастроительного РУВД Казани задержали бомжа, который, находясь в КПЗ, вдруг стал вспоминать юность и прежние «подвиги», в числе которых называл и убийство. Подняли архив, нашли уголовное и поисковое дело сорокалетней давности, и выяснилось – действительно в 1960 году в районе хрущёвок по улице Воровского произошло убийство приезжего шахтёра, так и оставшееся нераскрытым. В то время каждое убийство становилось резонансным, поэтому одна только Москва дважды делала запрос на раскрытие, версий рассматривалось много, но ни одна не нашла своего подтверждения.

Шахтёра зарезали ножом поздно вечером на улице, недалеко от дома, где он остановился погостить. Свидетелей не было, а задержанный бомж между тем вспоминал такие детали, что уже не оставалось сомнений в его причастности к преступлению сорокалетней давности.

Оказалось, что в далёком 1960 году три товарища-подростка, увидев, как шикает приехавший погостить к соседям друг, решили его ограбить. Несколько дней они следили за мужчиной и однажды вечером напали на него, ударив приезжего ножом. Добыча составила 1 тысячу рублей (100 рублей после реформы 1961 года).

Дня через два родители подростков, увидев деньги у детей, устроили своим чадам допрос с пристрастием. Те сознались в убийстве, чем очень напугали родителей. И взрослые, чтобы не отдавать отпрысков в руки правосудия, развезли подростков по дальним родственникам.

Ни у кого из участников преступления жизнь не сложилась благополучно. Через 20 лет после случившегося один из них вернулся в Казань. Но на нормальную работу устроиться не смог, начал пить, в итоге пропил квартиру и оказался на улице.

Второго участника преступления оперативники разыскали в Питере, мужчина тоже был тихим алкоголиком. Третий обнаружился в Свердловске: начальник тюрьмы, дослужился до полковника, но коротал время на пенсии безногим инвалидом. Ногу отняли из-за сахарного диабета. Со дня убийства друзья-товарищи не виделись, и вот через 40 лет встретились. В 2000 году состоялся суд, вину подсудимые признали полностью, но уголовного наказания не понесли за истечением срока давности. Потерпевшими на суде выступали дочери-близняшки убитого шахтёра, которым, когда зарезали их отца, было по четыре годика.

Рейс на дно

Страшная трагедия произошла в воскресенье 17 сентября. У переправы «Сорочьи горы» рейсовый автобус ПАЗ при въезде на паром сбил ограждение и рухнул в Каму. Кроме водителя, в салоне находились 11 женщин, спастись удалось только одной. Водитель тоже сумел выплыть, он даже пытался разбить окна в автобусе, чтобы спасти хоть кого-нибудь, но не смог. Погибли десять человек.

Через полчаса на месте трагедии был практически весь состав правительства республики – премьер-министр Рустам Минниханов, министры здравоохранения, ЧС, транспорта, я сам... Катастрофа произошла около пяти вечера, а уже через два часа начались работы по подъёму автобуса. На месте происшествия работали 76 человек, в том числе 6 водолазов, было использовано 30 единиц техники. В этот же день автобус с погибшими в нём людьми удалось поднять на поверхность.

По указанию премьер-министра семьям погибших оказали материальную помощь, республиканская комиссия по безопасности дорожного движения провела тщательный анализ причин, приведших к трагедии. Было возбуждено и уголовное дело. Расследование показало: водитель грубо нарушил правила эксплуатации – автобус двигался под уклон с неработающим двигателем, на нейтральной передаче. Рабочая и стояночная тормозные системы в тот момент находились в неисправном состоянии, что и привело к трагедии. Кроме того, согласно инструкции Минтранса, он должен был высадить пассажиров при подъезде к переправе, но не сделал этого. Суд приговорил Михаила Абрамова к 7 годам лишения свободы, дав ему на год больше, чем просил прокурор.

Мы сделали всё, чтобы подобное не могло повториться: уже через две недели въезд на паром оборудовали мощным защитным ограждением, появилась площадка для высадки пассажиров и изолированный пешеходный спуск к парому.

Не сделали вывод только водители: через два года на этом же месте рейсовый ПАЗ выехал на спуск с неработающим двигателем и на нейтральной передаче. Стояночный тормоз не работал, рабочие тормоза, по словам водителя, «внезапно отказали». Машина только чудом не опрокинулась на повороте, сбила ограждения вблизи поста милиции, где нужно было высадить пассажиров, вылетела с дороги и врезалась в деревенский дом. Никто не пострадал... в тот раз.

Зараза распространяется

Говоря про социальные эпидемии, я точно знаю, что инфицирование происходит с огромной скоростью. Организованная преступность опасна ещё и тем, что с ней всегда тесно

связана и преступность подростковая. В 2000 году мы отмечали рост криминогенных подростково-молодёжных группировок: на оперативный учёт были поставлены 113 таких групп. Основное их количество приходилось на Казань и Набережные Челны. Часть подростков уже входили в структуру организованной преступности, занимая «нижние её этажи»: им отводилась роль непосредственных исполнителей угроз, их использовали в качестве «боевиков» в массовых драках как в октябре 1999 года в Буинске, так и в беспорядках в Казани и Высокогорском районе в 2000 году.

В апреле 2000 года в Московском районе Казани в трамвае 10-го маршрута развязалась драка между членами группировок «Жилка» и «Татарский двор». Через два дня после стычки примерно 40 человек «жилковских» напали на машину с работниками «Татэнергоремонта», решив, что на этой машине едут их противники. Автомобиль забросали камнями и бутылками с зажигательной смесью. Работники предприятия получили травмы, а двое были госпитализированы с ожогами 1-й и 2-й степени. Мы установили личности всех участников происшествия, среди которых были 22 подростка в возрасте от 15 до 17 лет.

В 2000 году почти в два раза выросло количество убийств и в полтора раза причинений тяжкого вреда здоровью, совершённых детьми и подростками. Из раскрытых органами преступлений каждое пятое разбойное нападение, каждый четвёртый грабёж, каждое восьмое изнасилование были совершены с участием несовершеннолетних.

И снова осень, и снова убийство девочки. 13-летнюю школьницу убийцы подкараулили на улице Тази Гиззата, когда она возвращалась домой с электрички. На её теле эксперты насчитали 9 ножевых ранений. Убийцами оказались два 17-летних наркомана Куртымов и Шакиров, недавно освободившиеся в связи с амнистией. Задержали их с поличным во время другого преступления – убийства 70-летней пенсионерки и её дочери. Отморозки узнали, что женщины собираются уехать из Казани на постоянное место жительства в Израиль, и совершили на квартиру налёт. Женщин буквально изрезали ножами. Соседи, услышав крики, вызвали милицию. Экипаж вневедомственной охраны задержал ублюдков прямо на месте происшествия.

2000 год был годом 55-летнего юбилея Великой Победы. Традиционно эти даты, эти праздники наша страна сопровождает актами милосердия в виде амнистии для многих категорий преступников. В этом году на свободе в республике оказалась 21 тысяча человек, освобождённых досрочно.

Гуманизм – это прекрасно. Но уже давно кончилось время, когда за решёткой могли оказаться участники боевых сражений, проливавшие кровь за свою страну и заслужившие её снисхождение. Сегодняшний гуманизм однобок: в выигрыше оказываются почему-то исключительно злодеи. Я не могу утверждать, что Куртымов и Шакиров, отсидев свой срок полностью, не совершили бы других преступлений, но в том, что конкретно эти три жертвы могли бы жить, я уверен.

Правильные участковые

Вывод управления исполнения наказаний из состава МВД (сейчас эта структура называется ГУФСИН), наверное, был обоснованным. Но пока оба ведомства находились под одной крышей, учёт освободившегося контингента находился в одних руках, и бывшие осуждённые так или иначе находились под контролем. Ходили отмечаться в райотдел, были объектом особого внимания участковых, а после отделения УИН эта работа повисла в воздухе. Никто не подсчитывал, сколько трагедий произошло только потому, что преступники получили возможность утаивать своё прошлое...

Хотя «правильные» участковые той, ещё советской закалки продолжали вести свои собственные неофициальные учёты. «Правильные» участковые – это, по большому счёту, идеаль-

ные бойцы правопорядка, аналог американских шерифов. Другое дело, что зарплата и нагрузка наших офицеров ни в какое сравнение с их западными коллегами не идут.

В мае 2000 года в Казани прошёл межрегиональный слёт-совещание участковых инспекторов, на который съехались руководители этой службы со всей России. В тот же день Президент Татарстана Минтимер Шаймиев подписал Указ «О дополнительных мерах по укреплению охраны общественного порядка», проще говоря, о поддержке участковых. Меры, предусматриваемые этим указом, включали увеличение штатов участковых, выделение им дополнительного жилья, увеличение зарплаты из средств республики. В течение многих лет эта программа была реальным подспорьем для МВД. Надо сказать, что программа поддержки участковых целиком и полностью была инициативой президента.

Банда «Званка»

Но самым главным для нас по-прежнему оставалось противодействие организованной преступности. Не были решены главные задачи – подрыв финансовой подпитки и изоляция от общества лидеров и активных участников. Активность организованных преступных формирований не снижалась, напротив, обретала новые формы.

Осенью 2000 года оперативники МВД задержали членов преступной группы, которую впоследствии окрестили «бандой званковских», по названию посёлка Званка, где они совершили самые страшные свои преступления.

В конце октября 2000 года жители деревни Званка Пестречинского района пережили настоящий бандитский налёт. Первой в списке жертв оказалась семья Тимофеевых. Они уже собирались ложиться спать, когда в дверь постучали. На вопрос хозяина: «Кто?», из-за двери прозвучало: «Паша, открой». Как только щёлкнул замок, в дом ворвались трое, все в кожаных куртках и синих масках. Павел, милиционер-водитель Вахитовского РУВД, не имел никаких шансов против нападавших, вооружённых пистолетами. Его пытали на глазах матери, жены и шестилетней дочери, требуя 250 тысяч рублей. Таких денег дома не было... В конце концов преступники заставили ребёнка показать сейф, где хранились ценности. Денег там оказалось немного, и бандиты забрали документы, газовый револьвер и золотые украшения.

Тимофеевы даже не могли предположить, насколько им повезло, ведь следующую семью налётчики просто расстреляли. Разъярённые неудачей, они выбрали новую цель – дом заместителя директора местного оптового рынка Ислямова. Для начала один из них под видом местного жителя купил две бутылки водки, а когда, проводив покупателя, коммерсант не закрыл дверь, бандиты вломилась в столовую, где сидела вся семья. Хозяина, его беременную жену, сестру и мать заставили лечь на пол...

Позже, на допросах, они утверждали, что убивать никого не собирались: Шагвалиев начал стрелять неожиданно для всех. Ислямов (ему удалось выжить) получил пулю в живот, а потом стрелявшего было уже не остановить. Он прицельно расстреливал женщин, покорно лежавших на полу, пока не заклинило пистолет. Мать и жена предпринимателя скончались сразу, а сестру, которую по указанию Шагвалиева начали душить, спас обморок: убийцы посчитали её мёртвой. Чуть позже налётчики нашли в шкафу 12-летнего племянника хозяина, который спрятался, испугавшись выстрелов. Шагвалиев собирался убить и ребёнка, но один из бандитов вступился за мальчика: того связали и затолкали обратно в шкаф. Из дома преступники унесли деньги и ценности почти на 185 тысяч рублей – золото, меха, одежду. Маски выбросили по дороге, а документы Тимофеевых сожгли.

Среди награбленного был старинный крест ручной работы, украшенный крупными бриллиантами. Как позже выяснилось, грабители не сумели оценить добычу по достоинству и сдали крест в ломбард. На вес, как лом, за триста рублей.

Расстрел целой семьи и разбойное нападение на дом милиционера всколыхнули не только тихое село, в считанные минуты на ноги была поднята местная милиция, милиция Казани, ГИБДД, перекрыты все дороги. Я прибыл на место происшествия одним из первых (мы жили в районе старого аэропорта, оттуда до Званки рукой подать). На месте мы сразу развернули оперативный штаб. Возглавил его начальник уголовного розыска республики Нурсалим Шайхутдинов*, раскрывший преступление в кратчайшие сроки.

Одного из участников нападения задержали на следующий же день: опросив жителей, мы пришли к выводу, что наводчик – кто-то из местных. Задержанный Анисимов утверждал, что провёл ночь убийства с девушкой, медсестрой РКБ, но на первом же допросе девушка сообщила, что Анисимов приехал к ней куда позже, чем показал на допросе. Алиби рухнуло, потянулась цепочка расследования.

Вскоре задержали водителя банды, Переведенцева, и уже через несколько часов были арестованы ещё двое участников. Сбежать удалось только лидеру банды Шагвалиеву, которого наши оперативники взяли спустя две недели с помощью коллег из уголовного розыска Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Вместе с Шагвалиевым в Казань под конвоем возвратились ещё двое казанских «авторитетов», давших убийце укрытие.

Заставить задержанных дать показания было не так-то просто. Ринат Шагвалиев по прозвищу Скиппи, отпетый уголовник, не щадил ни друзей-одноклассников, ни женщин, ни детей. Его боялись даже собственные подельники, большинство которых держал в банде именно страх перед главарём.

Тем не менее в ходе следствия вырисовался портрет этой преступной бригады, формально входившей в организованную преступную группировку «Перваки». Трижды судимый Шагвалиев ещё до получения первого срока имел свою команду, специализирующуюся на кражах и разбоях. В неё входили Андрей Матмовский, Александр Анисимов и Альберт Шагидуллин. В 1993 году Скиппи, отбывая срок в казанской ИТК-2, сдружился с неким Вячеславом Кузнецовым. В 1999 году, когда оба уже были на свободе, Шагвалиев предложил Кузнецову с его двумя подручными, Русланом Ихсановым и Фаргатом Ситдиковым, объединить силы. Так появилась банда Скиппи, которая вскоре пополнилась ещё одним участником, пятикратно судимым Сергеем Переведенцевым.

Кузнецов выполнял функции завхоза: у него, например, хранились шапочки, дубинки, наручники и кобуры для пистолетов. Личное оружие каждый из членов банды держал у себя. Шагвалиев же разрабатывал планы криминальных операций и обеспечивал поддержку бандитов со стороны ОПГ «Перваки». Правда, серьёзным авторитетом после 12-летней отсидки Скиппи у «Перваков» не пользовался. И это его сильно огорчало: он хотел заработать в криминальной среде репутацию не хуже чем «хадишевские» (памятуя, что в войне между «Перваками» и «Хади Такташ» выиграли последние).

У Шагвалиева на то были вполне реальные возможности: банда обладала солидным арсеналом из четырёх пистолетов, двух автоматов, карабина и нескольких обрезов. А главное, члены сообщества, состоявшие в своё время в разных группировках, владели информацией, имеющейся у каждой из них, – о коммерсантах, небольших предприятиях, инкассаторских перевозках...

В октябре 1999 года у бандитов созрел план – ограбить водителя фирмы «Кара-Май». По своим каналам они узнали, что дневную вырубку нескольких казанских автозаправок водитель в кассу отвозил без охраны. В день нападения Кузнецов, Шагвалиев и Ихсанов дождались свою жертву у входа в офис фирмы. Когда Ринат Сафиуллин вышел из машины, Ихсанов выстрелил в него в упор, схватил пакет с деньгами и скрылся. Спустя несколько часов Сафиуллин скончался в больнице. (Чтобы избежать подозрения в этом убийстве, Шагвалиев пытался запутать следствие. В феврале 2000 года ему стало известно, что в нападении на водителя «Кара-Май» подозревается его бывший сокамерник, и застрелил того на пороге его дома.)

Спустя несколько дней после нападения на инкассатора Шагвалиев с подручными ограбили предпринимателя Ахметзакирова. Надеясь поживиться крупной суммой, его застрелили в гараже. Вот только вся пожива составила 500 рублей...

В декабре 1999 года налётчики получили заказ на убийство директора ЗАО «СНИТ» Николая Иванчина, известного в городе предпринимателя. Его фирма торговала цементом не только на территории Татарстана, но и во многих республиках СНГ. Бизнесмена «заказал» его заместитель Ахат Саттаров, оценивший голову шефа в 150 тысяч рублей. Убил Иванчина Ихсанов, ставший к тому моменту уже конченным наркоманом.

Восьмого марта 2000 года Шагвалиев застрелил «перваковского» авторитета Флёра Бадрутдинова по кличке Барин. С ним у Скиппи были свои счёты: якобы Барин помог милиции привлечь к ответственности его младшего брата. Кстати, при осмотре места происшествия в доме убитого обнаружили горы кассет и фотографий, запечатлевших акты насилия, и список более 200 девушек, подвергшихся изнасилованию. Первоначально доминировала версия, что насильнику отомстила одна из потерпевших, тем более что убили Барина 8 Марта...

Полтора года длилось расследование преступлений банды. За год с небольшим своего существования они успели совершить 9 убийств, 2 покушения и 13 грабежей и разбоев. Помимо прочего, удалось установить их причастность к убийству двух членов Ново-Татарской ОПГ.

Примечательная история связана с пистолетом Макарова, который фигурировал в пяти убийствах. Доказать убийство в суде можно только при наличии орудия преступления, а его после бойни в Званке Шагвалиев выбросил в озеро Кабан в октябре 2000 года. А стояла уже зима 2001-го... Сняли лёд в десяти метрах от берега и наняли водолазов. Первая попытка не удалась. Люди, не один десяток лет работающие в правоохранительных органах, убеждали нас: невозможно найти что-либо в озере, на дне которого метровый слой ила. Не было ещё такого в практике, даже если местонахождение предмета знали точно. Призывали пожалеть государственные деньги (работа водолазов стоит дорого). И всё же решили попытаться ещё раз. Снова убрали лёд, водолаз ушёл под тёмную воду. И надо же – нашёл! Это была настоящая удача!

В этом деле огромную роль сыграло то, что с самого начала было обеспечено тесное сотрудничество МВД и прокуратуры республики. Все оперативно-сыскные отделы УУР* вели оперативную работу по своим направлениям, на более позднем этапе подключились сотрудники УБОП. По мере разрастания материалов дела к его расследованию подключили сразу нескольких следователей.

Практически все обвиняемые затягивали следствие как могли: то притворяясь душевнобольными, то симулируя болезни. Андрей Матмовский попытался сбежать из следственного изолятора так, как до него не бегал ещё никто с Петрушкиного разъезда*. Перепилив ножовкой оконную решётку, он руками разорвал сетку и перемахнул через стену ограждения изолятора. Возможно и убежал бы, но при падении переломал ноги.

В начале 2002 года уголовное дело было передано в Верховный суд РТ, а в середине мая начались первые слушания. Процесс продвигался с трудом: все подсудимые жаловались на здоровье. Когда один из них заявил, что нуждается в операции, из зала донеслось: «Тебя не в больницу, а в морг везти надо». Судья поинтересовался у потерпевших, как они относятся к ходатайству подсудимого. Два десятка человек одновременно поднялись с мест и в один голос ответили: «Отклоняем».

Затем слушание дела было приостановлено из-за настоящей травмы Сергея Переведенцева. Когда он дал показания, изобличающие Скиппи в убийстве семьи Ислямова, сокамерник обварил его кипятком. Восемнадцатилетний парень, проходящий совсем по другому делу, опрокинул на голову спящего Переведенцева кастрюлю с кипятком. Позже он оправдывался, что всего лишь хотел приготовить суп (в шесть утра!) и нечаянно споткнулся. В отношении

любителя утреннего супчика было возбуждено ещё одно уголовное дело, а Переведенцев провёл десять дней на больничной койке с ожогами.

Своей вины Шагвалиев не признал. В последнем слове он продолжал клеймить работников прокуратуры, а следователя назвал карьеристом и заявил, что дело сфабриковано.

После семи месяцев судебного разбирательства в ноябре 2002 года был вынесен приговор, на чтение которого у судьи ушёл целый день. Сергей Переведенцев получил 12 лет, наводчик банды Александр Анисимов – 13,5. Активный участник почти всех разбойных нападений Андрей Матмовский получил 14 лет, засчитали ему и дерзкий побег из следственного изолятора. Заказчик убийства своего босса Ахат Саттаров отправился за решётку на 15 лет. По стольку же определили Фаргату Ситдикову и Альберту Шагидуллину. Лидер банды Ренат Шагвалиев был приговорён к пожизненному лишению свободы. Руслан Ихсанов был уже неподсуден, так как покончил с собой в следственном изоляторе.

Скиппи направили в Вологодскую область, в колонию на остров Огненный, но после полутора лет он запросился «в отпуск». Я уже описывал условия, в которых содержатся «пожизненники», по сравнению с ними обычный следственный изолятор – настоящий санаторий.

И вот Шагвалиев вдруг «вспомнил» обстоятельства убийства казанского коммерсанта Фазыла Гинниатуллина, которое он совершил в сентябре 1996 года. Для проведения необходимых следственных действий Скиппи этапировали в Казань, где он получил несколько месяцев передышки. Суд добавил Скиппи к уже имеющемуся сроку ещё 11 лет. (Сейчас, кстати, Шагвалиев снова даёт признательные показания по очередному убийству. Не исключено, что точка в истории банды «Званка» ещё не поставлена.)

Со временем выяснились и обстоятельства исчезновения держателя бандитского «общака» Вячеслава Кузнецова, объявленного в федеральный розыск. И только через семь лет поисков оказалось, что он никуда и не убежал – лежал себе на метровой глубине в лесопосадке у санатория «Ливадия»...

Правда, в августе 2001 года Руслан Ихсанов проговорился, что убил Кузнецова в октябре 2000 года, незадолго до задержания банды. Якобы тот сам хотел ликвидировать его как нежелательного свидетеля. Ведь именно Ихсанов совершил большую часть «висящих» на банде убийств, а поскольку был законченным наркоманом, мог в случае задержания всех сдать.

По словам Ихсанова, он застрелил Кузнецова и его 15-летнюю подругу Ольгу Соломонову, после чего расчленил трупы и закопал их в лесопосадке у казанского санатория «Ливадия». Проверить версию оперативникам не удалось: через несколько дней после признания он повесился в камере следственного изолятора.

Нельзя было исключать, что Ихсанов пытался пустить следствие по ложному следу. Однако спустя семь лет после приговора один из осуждённых вдруг признался, что помогал Ихсанову закапывать тела Кузнецова и Соломоновой, указал точное место могилы, и тайное захоронение было обнаружено.

«Гуманисты», защищающие права убийц и разглагольствующие о необходимости смягчения наказания, почему-то никогда не учитывают мнения тех, кто пострадал от рук этих преступников. Спустя несколько лет после приговора над бандой Шагвалиева я случайно столкнулся в магазине с предпринимателем, чудом выжившим в званковской бойне. Он меня узнал и едва на шею не бросился. Человек, потерявший мать, жену и своего не успевшего родиться ребенка, чуть не плакал, когда благодарил меня за то, что мы нашли злодеев. За то, что они наказаны.

Краткие итоги 2000 года:

Всего зарегистрировано **70 238** преступлений (раскрыто – 77,5 процента).

Умышленных убийств – **645**.

Расследовано **991** преступление, совершённые в составе организованной группы.

2001-й. Год борьбы с организованной преступностью

В январе мы подводили итоги работы за 2000 год, и в коллегии МВД участвовал Президент республики Минтимер Шаймиев. В своём выступлении он крайне жёстко раскритиковал нас за «бесхребетность и мягкотелость» в борьбе с ОПГ. Поводом для разноса стала моя реплика о попытках преступных группировок внедриться во власть – та часть доклада, где я говорил о проделанной работе, чтобы не дать пройти в депутаты представителю ОПС «Севастопольские» Утяганову. Несколько раз прозвучали фамилии и клички других участников преступного сообщества, в том числе и Радика Юсупова по прозвищу Дракон.

Услышав это имя, президент вышел из себя. «Слушайте, кто такой Дракон? – вопрошал Минтимер Шарипович с трибуны. – Кто он такой, что вы столько о нём говорите? Дракон, Дракон... Депутат? Государственный деятель? Если он и правда такой страшный преступник – сажайте в тюрьму, доказывайте его вину. И вообще, до каких пор мы будем терпеть организованную преступность?! Всё, с этим пора кончать! Вот поставьте себе конкретную задачу и выполните её».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.